

МАКСИМ МАКАРЕНКОВ

АНГЕЛЫ КРОВИ

Максим Макаренков

Ангелы крови

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170669

Ангелы крови / Максим Макаренков: «Ленинградское издательство»;

2022

Аннотация

В этом городе живут люди и нелюди, плетут свои интриги Боги-во-Плоти, и танцуют на залитых беспощадным солнцем улицах Переродившиеся.

В городе богов так легко потерять, не только симпатичную клиентку, но и нечто гораздо большее.

Даже, если ты лучший частный детектив.

Даже, если ты вампир.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Максим Макаренков

Ангелы крови

© Оформление. ООО «Пятый Рим», 2022

© Максим Макаренков, 2022

Часть первая

Клиент пропал

Чикарро сидел на корточках, привалившись спиной к холодной каменной стене.

Сгусток тьмы в темном, провонявшем мочой, кровью и кошмарами падших ангелов, тупике.

Черные пластиковые пакеты, полные гниющих отходов из ресторанчиков с южной кухней, чьи задние двери выходили в тупик, баррикадой перегораживали проход. Они давно не умещались в проржавевших мусорных баках, и уборщики просто кидали их в проулок.

Кинби пробирался между ними, брезгливо морщась и стараясь не думать, во что превратятся туфли из оленьей кожи и костюм, всего неделю назад пошитый в ателье Брокенбергера.

Аккуратно поддернув темно-синие брюки, Кинби присел на корточки напротив Чикарро, щелкнув портсигаром, извлек тонкую сигарету ручной набивки. Прикурил. Огонек зажигалки выхватил из темноты острые колени, безвольно опущенные руки, тусклые, цвета нечищенных ботинок, перья. Кончики крыльев полоскались в нестерпимо воняющей луже, но ангелу было глубоко наплевать.

Судя по расширенным зрачкам и отвисшей челюсти, тот

успел закинуться «весенними дарами» и теперь радостно скакал по воображаемому лугу с такими же идиотами.

С-с-скотина, – прошипел Кинби, отвешивая ангелу хлесткую пощечину. Брезгливо тряхнув рукой, потянул из нагрудного кармана надушенный платок. Тщательно вытер ладонь, сложил платок и отправил в карман брюк.

Чикарро очумело тряс лохматой головой, сучил ногами, пытаясь удержать равновесие, но дырявые ботинки скользили по покрытым слизью булыжникам, и он с тихим стоном шлепнулся на задницу. Поднял на Кинби полные скорби глаза и произнес неожиданно глубоким чистым голосом:

– Почему ты ударил меня, дитя тьмы? Зачем нарушил грезы несчастного ангела, ты, порождение Ночи?

Его собеседник затянулся ароматным дымом:

– Потому, что ты мне звонил, нес какую-то околесицу о великой тайне хозяина Дома Тысячи Порогов и просил денег. Если ты оторвал меня от дел попусту, я уйду и больше никогда не дам ни гроша.

Голос Кинби был тих и чуть хрипловат. В такт словам двигался огонек зажатой в тонких губах сигареты. Мраморно-белое лицо с сухими аристократическими чертами сохраняло неподвижность древней маски. Лишь горели красноватым светом глаза, спрятавшиеся в тенях, отбрасываемых широкими полями мягкой шляпы.

– Нет-нет! Что ты! – Чикарро испуганно завозился у стены, пытаясь подняться. – Не уходи. Ты не можешь бросить

бедного ангела в этой ужасной обители кошмаров!

– Чикарро, ты живешь в этом тупике вот уже семьдесят лет. – Кинби поднялся, отряхнул брюки. – Говори или я уйду.

– Да-да. Я помню. Я все помню, мой верный ночной спаситель! Это действительно важные и интересные слова. Но сможешь ли ты бедному ангелу, которому уже никогда не расправить крылья наяву, обрести небо в сновидениях?

– Чикарро, говори, и если мне будет интересно, я подкину тебе пару монет. Хотя я не одну тысячу раз предупреждал – ты подохнешь от этой дряни, или как там у вас, ребят сверху, бывает.

– А зато ты вот куришь много! – хихикнул ангел, и Кинби против воли усмехнулся.

– Ладно, говори, давай, – сказал он, зажимая в губах новую сигарету.

– Ты просил сказать, если я что-нибудь узнаю про ту красивую девушку из людей, снимок которой ты показывал? Так?

– Ну да. А Дом Тысячи Порогов тут причем? Люди из людей туда не ходят.

– А я вот ее там видел! – Чикарро наконец сумел подняться и теперь стоял, торжественно потрясая перед носом Кирби грязным пальцем. – И не одну! С Хранителем Порогов!

– Когда? Где именно? Обстоятельства? – забрасывал Кинби ангела отрывистыми вопросами.

– Погоди-погоди... Не спеши так, мой проклятый друг. Бедный ангел уже не может охватывать разумом мироздание. Значит так... Было это сегодня днем. Я танцевал на перекрестке, напротив западных построек Дома. Плохое место – никто не бросил ни единой монетки, я уже хотел уйти.

Кинби нетерпеливо щелкнул пальцами, и Чикарро зачистил:

– Вот тут она и появилась. Вышла из большой черной машины и дверь ей открывал сам Олон! А за ней вышел Хранитель. Они поднялись по ступеням, и Олон открывал перед девушкой большие стеклянные двери.

– Что дальше?

Пожав плечами, ангел устало сполз по стене. Короткий рассказ вымотал его до предела.

– Все. Двери закрылись, я подождал еще немного и ушел. Плохое место. Никто не бросил монетки танцующему ангелу.

Кинби посмотрел на бродягу сверху вниз и полез за бумажником. Достал пару банкнот, сунул в карман, неровными стежками пришитый к неимоверно грязному пончо.

– Постарайся не все деньги потратить на свою дрянь. Купи хотя бы немного еды.

Чикарро лишь грустно улыбнулся и слабо помахал рукой вслед моментально растворившемуся в тенях силуэту.

Выйдя на Закатный бульвар, Кинби глянул на часы. Он и так с точностью до минуты, знал, сколько времени осталось до рассвета, но ему нравились мелкие человеческие привычки и дорогостоящие человеческие безделушки.

Порой ему казалось, что страсть к красивой одежде, дорогим часам и прочему, совершенно ему не нужному хламу, уже перешла в манию и вещи начинают давить на него, требуя все больше и больше места. Иногда он просыпался от кошмара – во сне вещи окружали его и начинали растворять. Кинби ощущал, как его душа перетекает в часы и туфли, смокинги и клубные пиджаки, флаконы одеколонов и бумажники ручной работы. Тогда он открывал глаза и неподвижно лежал, внимательно вглядываясь в непроницаемую для людского глаза темноту своей спальни, проверяя, все ли шкафы, тумбочки, шифоньеры и застекленные витрины остались на своих местах.

Но расставаться с вещами и привычками Кинби не хотел. В конце концов когда-то он и сам был человеком и ему нравилось баловать себя старыми привычками или приобретать новые, тщательно отобранные после многолетнего наблюдения за людьми, к которым Кинби питал тщательно скрываемую слабость.

Сверившись с часами и убедившись что ночь еще даже

не приблизилась к середине, Кинби решил заглянуть в бар “Фиолетовый осьминог”.

Ночной бульвар кипел. Обрывки музыки, вопли зазывал из стриптиз клубов, шепот сутенеров и пушеров, рев автомобильных гудков и визгливая ругань проституток создавали неповторимый звуковой фон, сопровождавший лихорадочное мельтешение толпы.

Выплескиваясь из дверей баров, клубов, борделей и вареете, людские ручейки вливались в остро пахнущее алчностью и похотью море, время от времени выплескивавшееся с тротуаров на проезжую часть.

С легкой отстраненной улыбкой Кинби разрезал толпу. Люди из людей, храты, добберы, люди из Ночи, все они безотчетно расступались перед ним, не всегда даже обращая внимание на невысокую стройную фигуру в дорогом неброском костюме и мягкой серой шляпе. Лишь некоторые ежились, робко глядя Кинби в спину.

К этому Кинби тоже привык. В конце концов, даже в этом безумном котле, именуемом Городом Богов, такие как он встречались нечасто.

Вампиры всегда были редкостью.

“Фиолетовый осьминог” имел славу заведения недорогого и непритязательного. Держал его человек из людей, давно забывший свое имя и отзывавшийся исключительно прозвище Папа Бургер. Происхождение этого прозвища оставалось загадкой и служило причиной постоянных пересудов среди

завсегдатаев.

Бургеров в “Осьминоге” отродясь не было, зато наличествовало пойло, которое Папа Бургер выдавал за виски, дешевый джин и лучшее в городе темное пиво.

Самые отважные могли отведать фирменный омлет.

Кинби был единственным, кто решался заказывать здесь бифштекс с кровью. За это Папа Бургер вампира искренне уважал.

Действительно непрожаренный бифштекс и темное пиво сами по себе были достаточными причинами для того, чтобы Кинби полюбил этот бар, но было и еще одно обстоятельство, делавшее “Фиолетового осьминога” одним из его любимых мест. Когда-то давным-давно прокуренный зал облюбовали полицейские ночной смены, поскольку здание Городского управления находилось неподалеку и, если знать где именно срезать, то, проплутав буквально пять минут по глухим переулкам, можно было попасть в гостеприимные объятья Папы Бургера.

Аккуратно прикрыв дверь, Кинби сбежал по ступенькам и огляделся. Зал, как всегда, плавал в клубях сигаретного дыма, ночной бармен Николя меланхолично протирал стойку несвежим полотенцем, в глубине зала тихонько что-то обсуждали смуглые барыги из Восточного предместья. Они любили здесь сидеть, как и полицейские. По молчаливому соглашению здесь никто никого не трогал, никто никем не интересовался.

Из клубов дыма выдвинулась массивная темная туша. Двухметровый доббер Жорнус входил в пятерку лучших вышибал в городе и всегда ревностно относился к своим обязанностям. Проскрежетав нечто неразборчивое, вышибала кивнул, давая понять, что узнал клиента. Развернулся и потопал обратно. Кинби вежливо поднял шляпу, и заднее лицо Жорнуса подмигнуло ему в ответ. Это лицо доббера нравилось Кинби куда больше переднего – вечно хмурого, туповато-сосредоточенного.

Кинби подошел к стойке и постучал монетой. Николя тут же оказался рядом:

– Как обычно, господин Кинби?

Детектив задумался.

– Нет, пожалуй, пока только пива. И соленых орешков. Только, умоляю, Николя, проследи, чтобы они были действительно солеными и действительно прожаренными.

Понимающе улыбнувшись, бармен принялся наполнять тяжелую кружку темным пивом.

– Да, кстати, лейтенант Марино или сержант Шесински не появлялись?

Николя молча покачал головой, сосредоточенно следя за пивной струей. Наполнив кружку, артистически отправил ее по стойке в сторону Кинби. За ней последовало блюдце соленых орешков. Кинув один в рот, Кинби издал неопределенный звук, означающий удовлетворение, взял кружку, блюдце с орешками, и направился в самый темный уголок зала.

Время от времени поглядывая на дверь, он предавался своему любимому занятию – задумчивому безделью. Впрочем, не забывая оглядывать посетителей цепким холодным взглядом.

На маленькой сцене заняло свое место трио Ларса Эйкарта – двое людьми из людей, третий, контрабасист, яркий образчик людей из Ночи – угольно-черные волосы, бледная, почти как у Кинби, кожа, тонкие фиолетовые губы, непроницаемо черные, ничего не выражающие, глаза. Впрочем, почти сразу контрабасист прикрыл глаза тяжелыми веками и тронул струны. Ларс закурил, сел за рояль и зал наполнила задумчивая мелодия Rainy Season Кейко Мацуи.

Откинувшись на спинку полукруглого дивана, Кинби позволил себе окончательно расслабиться и насладиться мелодией. Трио Ларса было еще одной причиной, по которой Кинби проводил вечера в этом прокуренном зале.

Негромко хлопнула дверь, заворчал Жорнус, на этот раз гораздо жизнерадостнее, чем когда приветствовал Кинби.

По ступенькам сбегала невысокая шатенка в свободной кожаной куртке и мешковатых джинсах с накладными карманами. Завершали вечерний наряд тяжелые коричневые ботинки на толстой рубчатой подошве.

Заметив Кинби девушка подняла руку в дружеском салюте и направилась к его столику, бросив по дороге в сторону бара:

– Николая, мне пиво!

– Будет сделано, лейтенант! – с энтузиазмом отозвался бармен.

Сняв куртку, шатенка кинула ее на диван рядом с Кинби и опустилась на стул.

Со стоном вытянув ноги, она откинула голову и прокричала:

– Николя, я устала и хочу пива!

Бармен материализовался возле столика буквально через мгновение и так же стремительно исчез.

Все это время Кинби с улыбкой смотрел на гостью, как смотрят умудренные жизнью старики на милых шумных внуков.

– Здравствуй, Марта.

Отхлебнув порядочный глоток Марта отсалютовала кружкой и слизнула пену с верхней губы. Каждый раз, видя ритуал ее первого глотка, Кинби мучился вопросом, как у нее получается делать это так по-детски и одновременно настолько сексуально.

– Здравствуй, Кинби. Как я уже говорила, я страшно устала.

– Обычно ты забегаешь пораньше. Что-то случилось?

Аккуратно опустив кружку, Марта с силой потерла лицо:

– Убийство. Чертовски противное и, что самое мерзкое, совершенно обычное. Два прикурка, два ствола, много “вороньего пера”. Оба решили что бессмертны.

Ну, и? – поднял бровь Кинби.

– Ну, и. Один точно ошибся. Второй поймет свою ошибку скорее всего к утру. А мне... Осмотры, отчеты, писанина... ты сам все это прекрасно знаешь.

– Именно поэтому я и ушел, – хмыкнул Кинби, – Прелесть частного сыска и в том, что писанины гораздо меньше.

Неторопливо потягивая пиво Марта и Кинби смотрели друг на друга и молчали. Спокойная уютная тишина коконном укрыла их столик. Безмолвие не было тягостным, так молчат старые друзья и любовники, которым слова не нужны. Достаточно видеть друг друга.

Отзвучали последние такты мелодии, Ларс заиграл что-то быстрое и мажорное.

– Ладно, давай, спрашивай, – сказала Марта, прикуривая.

– Почему ты думаешь, что я ждал тебя только для того, чтобы о чем-то спросить? – притворно возмутился Кинби.

– Прекрати. Я не говорила, что только для этого. Надеюсь, ты действительно ждал меня еще и потому, что соскучился. Но спросить что-то хочешь. не забывай, я же знаю тебя, как облупленного.

– Хорошо-хорошо! Сдаюсь – поднял руки Кинби. – Что ты знаешь о Доме Тысячи Порогов? Точнее так – слышно ли о нем что-нибудь новое и необычное?

Марта задумалась, пожала плечами.

– Да нет, вроде бы. Ублюдок Хранитель держится в рамках, старается не попадаться нам на глаза. А что касается дел в Дымке или там с Переродившимися, сам знаешь, это

все относится к Девятой комнате, а тамошние ребята на нас смотрят как на недоумков, которым только улицы патрулировать.

– Лейтенант Марино, это дело относится к нашей юрисдикции. Не вмешивайтесь – произнесла она утробным голосом, явно кого-то передразнивая.

– То есть никаких новых слухов, ничего о том, что он ведет какие-то дела с людьми из людей не слышно?

– Во всяком случае я такого не слышала.

Марта пристально взглянула на Кинби:

– Дружок, а ты это все к чему спрашиваешь?

– Да так. Пока ни к чему определенному. Но если услышишь хоть что-то о том, что Хозяин завел дела с кем-нибудь из людей, будь хорошей девочкой, намекни мне?

– Ладно, замечано. – Марта допила свою кружку и потянулась. – Лично я ваюсь с ног и собираюсь пойти и поспать, пока снова кого-нибудь не убьют.

Кинби в два глотка допил пиво, достал пару купюр, бросил на стол, придавил кружкой.

– Тогда пойдем. Мне тоже пора, – он глянул на часы. – Скоро рассвет, а он крайне вреден для моего здоровья.

Обогнав Марту на входе, Кинби галантно распахнул дверь, но его спутница замешкалась, пытаясь нашарить зажигалку в многочисленных карманах своей куртки и Кинби шагнул из дверей первым. Марино уже догоняла его, толкнув дверь она ступила на невысокое крыльцо бара.

Развернувшись, Кинби сильно толкнул ее в грудь. Зашатавшись Марта влетела обратно в двери бара. Падая, услышала отрывистые звуки выстрелов. Грудь Кинби взорвалась. Подброшенное в воздух крупнокалиберными пулями тело, влетев в зал, упало на девушку.

Еще два выстрела прошли мимо цели, вырвав куски древа из дверного косяка.

Взревел мощный двигатель, взвизгнули покрышки и все стихло. Противно воняло порохом и горелым деревом. Тихо поскрипывали, покачиваясь на полусорванных петлях, изуродованные двери.

Марта похлопала детектива по плечу:

– Кинби. Кинби, послушай. Ты пачкаешь кровью мою куртку.

* * *

Щелкнул выключатель и неяркий свет чудовищного сооружения, увенчанного коричневатым абажуром с бахромой, разогнал непроглядную темноту спальни.

Марта приподнялась на локте и посмотрела на задумчиво кутившего Кинби. Аккуратно вынув из его пальцев сигарету, сделала пару затяжек, вернула дымящийся цилиндр на место. Протянув руку, Кинби погладил девушку по встрепанным волосам.

Внезапно Марта порывисто обняла Кинби, уткнулась ли-

цом ему в грудь:

– Боги, Кинби. Я до сих пор вижу, как ты валишься на меня и из тебя торчат осколки костей.

Девушку мелко трясло. Затушив сигарету, Кинби крепко прижал ее к себе, чувствуя, как бешено колотится ее сердце.

– Прекрати. Все хорошо. Ты же прекрасно знаешь, насколько утомительно меня убивать.

– Если бы не ты, я была бы уже мертва. – Марта резко села, закуталась в простыню, – а если бы эти придурки стреляли серебряными пулями...

– То еще не факт, что попали бы куда надо, – прервал ее Кинби.

Марино потянулась за бокалом, стоявшим на прикроватном столике. Отпила глоток красного вина и принялась задумчиво покачивать бокал, наблюдая, как перетекает густая темная жидкость.

– А ведь, действительно, они стреляли обычными пулями, – протянула Марта.

– Да, я вот и сам об этом думаю. Основных вариантов два...

– Именно, – продолжила его мысль девушка. – Либо хотели убить меня, но стреляли редкие недотепы, у которых сдали нервы.

– Либо кто-то решил столь изящным способом предупредить меня. – Кинби раскинулся на кровати и смотрел на Марту снизу вверх.

– Есть и третий вариант, – продолжил он. – Кто-то наоборот старается заставить нас действовать. Понимаешь, узнать что мы с тобой встречаемся и постоянно бываем в “Осьминоге”, большого труда не составляет. Хотя я склоняюсь к варианту предупреждения.

Марта лишь пожала плечами, что вполне могло означать – кто знает?

Взглял Кинби становился все более сонным, движения замедлились. Бросив взгляд на напольные часы, стоявшие в противоположном углу комнаты, Марта заторопилась:

– Все. Мне пора. Начальство и так устроит мне выволочку за то, что слиняла с места происшествия, составив лишь общий рапорт.

Натянув джинсы и водолазку, она схватила куртку и, поцеловав Кинби в щеку, стремительно исчезла. Хлопнула дверь. Квартира погрузилась в тишину.

Вздыхнув, Кинби поплелся в прихожую, запирает многочисленные засовы.

На город накатывал очередной, до краев наполненный белым солнцем, день.

Вампир уснул.

* * *

Патрульный Захария Стериолидис, грозно поглядывая по сторонам, двигался своим обычным маршрутом – от правого

угла первого ряда строений Дома Тысячи Порогов по узкой улочке вниз, до пересечения с Камышовой. Там он переходил на другую сторону улицы и заходил в чайную, которую уже много лет держало семейство хратов.

Сейчас Захария отдуваясь вытирал вспотевший лоб несвежим носовым платком и чувствовал, как пропитывается потом форменная черная рубашка.

В очередной раз помянув недобрым словом умника из мэрии, додумавшегося сделать летнюю форму черной, Стериолидис поправил висевшую на ремне дубинку и продолжил обход. Облизывая пересохшие губы, он представлял как войдет в чайную и займет свой столик в глубине зала. Шустрая хратиха Мисарра, не то внучка, не то правнучка хозяина моментом принесет запотевший графинчик морса, тонкостенный стакан, маленькую пиалу и чайник. Он неторопливо наполнит пиалу до половины и первую порцию выпьет залпом. Ледяное пламя “драконьей крови” скользнет в глотку, он длинно выдохнет и потянется за графином. Пока в пищеводе будет бушевать “драконья кровь”, наполнит стакан и осушит его большими длинными глотками.

После этого можно будет откинуться и прикрыть глаза, ожидая, когда придет время повторить.

Сглотнув, Захария ускорил шаг.

В узком проулке танцевала пара Переродившихся.

Коротко ругнувшись, Стериолидис шагнул в проулок, срывая с пояса дубинку.

Движения Переродившихся были грациозными и совершенно нечеловеческими. Они извивались, точно кобры под одним им слышную мелодию, над непонятной темной грудой. Руки нелюдей то взвивались к белому, полному полуденного зноя, небу, то падали, словно хищные птицы. Лица их были бесстрастны, из зашитых ртов исходило тихое гудение. Стремительно и одновременно, будто управляемые единым разумом, Переродившиеся повернулись к полицейскому.

Захария снова сглотнул и покрепче сжал дубинку.

Он чувствовал себя очень толстым, старым и неуклюжим. Попробовать отогнать Переродившихся от мертвеца было делом неприятным и опасным. Можно, конечно, оставить их в покое и вызвать детективов, пусть приезжают, волокут с собой штатного некроманта и валандаются сами. Но ведь те поначалу обязательно спросят, а воспользовался ли он оберегающим амулетом. А когда выяснится что, амулет, вот он, то отметят это в рапорте. И не видать ему тогда дополнительных дней к отпуску, как своих ушей.

Сделав еще пару робких шагов, патрульный, расстегнув один из многочисленный кармашков на поясе, достал черный керамический флакон. Облизнул губы, и бросил склянку между Переродившимися.

На секунду гудение стало громче, и Захария почувствовал, как пот, ручейками стекавший по спине, стал ледяным. Бухнув, сердце пропустило удар, подумало, забилося снова.

Тощие, закутанные в немыслимые балахоны, фигуры застыли, затем грациозно отпрыгнули к стенам домов, юркими ящерицами-каменками полезли вверх и скрылись из виду.

Выдохнув Захария прислонился к стене и закрыл глаза. Соседство с трупом сейчас казалось ему едва ли не блаженством.

Но медлить было нельзя. Покачивая головой и утирая пот платком, он подошел к темной массе, над которой танцевали Переродившиеся.

И страшно захотел большой чайник “драконьей крови”.

* * *

Лейтенант Марино смотрела в мертвые глаза девушки и думала, что та едва ли старше ее самой. Увы, в Городе Богов смерть молодой девушки никогда не считалась событием, достойным пристального внимания. Порой, глядя на тело очередной несовершеннолетней проститутки, Марта в свои двадцать семь лет чувствовала себя старухой. Судя по лицу убитой ей тоже не было и тридцати. Может тридцать, но не больше. Марта отметила, что при жизни девушка была хорошенькой и наверняка привлекала тех, кому нравится грубоватая, несколько вульгарная, чувственность. Недорогая, щедро наложенная косметика, массивные броские серьги, остатки яркой безвкусной одежды – убитая не тянула не то, что на аристократку, но и на мелкую бизнес-вумен или офисную слу-

жащую. Хотя, и на проститутку тоже не слишком похожа, решила Марино.

Осматривая тело, Марта искренне радовалась, что не успела перекусить, как собиралась.

– В нее что, из осадного орудия палили? – поинтересовался подошедший сержант Шесински.

Невысокий и массивный, Шесински, в своем поношенном коричневом костюме напоминал оживший бабушкин комод. Чувство юмора у него было примерно такое же, за что многие в управлении его недолюбливали. Марте же сержант нравился, она ценила его надежность и хватку. Не обладая выдающимся умом, ее напарник был фантастически целеустремленным и бесстрашным человеком.

Сейчас он склонился над трупом и, посасывая измочаленный огрызок сигары, рассматривал вывалившиеся внутренности несчастной.

– Да, уж. Не то слово. И не просто палили, а потом еще и разорвали. – Марта поднялась на ноги и стояла, покусывая ноготь большого пальца.

– Смотри, крови не так уж и много. Значит убили ее не здесь.

– Или убийца высосал кровь. – хмыкнул Шесински.

– Нет. Это не Дети Ночи. – покачала головой Марино. – Те эстеты. Но, если будет нужно, я поспрашиваю Кинби.

Сзади слышалось негромкое покашливание. невысокий человек, похожий на неприметную серую мышку, казалось

расплывался в прозрачном зное. Посмотрев на труп, сглотнул, заметно зеленея.

– Так, Валек, не хватало чтоб ты наблевал на месте преступления! – Шесински хлопнул человечка по плечу.

– Ты как всегда передаешь свои мысли с непередаваемым изяществом, – пробормотал Валек, не в силах отвести взгляд от растерзанного тела. – Отойдите и не мешайте работать.

Марино и Шесински сделали несколько шагов назад. Марта достала сигарету и закурила.

– Никак не научусь смотреть спокойно на то, что он делает, – негромко сказала она.

Шесински пожал плечами:

– Ну, если у него получается разговорить труп и получить нужные сведения, то отчего бы и нет.

– Я понимаю. И все же... неправильно это – некромантия. Зло это.

Шесински лишь хмыкнул в ответ. Отвлеченные рассуждения его не интересовали.

Встряхнув кистями рук, Валек встал над трупом. Носки его стоптанных ботинок почти касались головы убитой, и Марта с трудом удержалась, от того, чтобы не попросить манта быть повнимательнее.

Мант вытянул руки перед собой, ладонями вниз и замер.

Все происходящее выглядело очень буднично, и тем не менее Марте показалось, что свет в проулке ненадолго потускнел, словно легчайшая тень набежала на солнце. Вокруг

ладоней некроманта появилось неяркое зеленоватое сияние, струйками стекавшее к телу. Валек стоял, сосредоточенно наморщив лоб и от напряжения почти не дышал. На какое-то мгновение сияние усилилось, и вдруг пропало. Будто кто-то выключателем щелкнул.

Резко выдохнув, Валек подался назад.

Повернувшись к лейтенанту, пробормотал с искренним недоумением:

– Лейтенант, здесь нет никаких следов. Вообще никаких. Тот кто это сделал, не просто растерзал тело. Он уничтожил и астро— и эмоотпечатки жертвы.

Глубоко затянувшись, Марта от души выругалась.

* * *

Солнце неохотно уползло за горизонт, на время выпустив из своих безжалостных объятий расплавленный, истекающий потом, город. На мир обрушилась душная, созданная для убийств и кошмаров, ночь.

Не успел погаснуть последний солнечный луч, как Кинби, открыв глаза, рывком сел на кровати. Откинув одеяло, целеустремленно направился на кухню. Последствия вчерашней стрельбы давали о себе знать, его мутило, предметы слегка расплывались перед глазами, противно звенело в ушах. Открыв огромный белый холодильник, он достал пакет с клеймом “Благородная кровь” и стилизованным изображением

сердца. Глядя на фирменный знак производителя, Кинби криво усмехнулся. Людской цинизм и умение заработать на всем, из чего только можно выбить монету, перестали его удивлять после того, как одним из клиентов оказался преуспевающий владелец сети закусочных.

Во время одного из разговоров Кинби неосторожно спросил, а есть ли способ готовить коктейли из детских слез.

После чего ему пришлось долго доказывать, что он просто пошутил – клиент заглядывал детективу в глаза и пытался уточнить, действительно ли подобный коктейль будет пользоваться спросом, существует ли устоявшаяся рецептура и каковы потребительские предпочтения.

На мгновение Кинби закрыл глаза и представил, как его клыки впиваются в шею хозяина закусочной, на язык брызгают первые, самые сладкие, струйки крови, и вот уже терпкая, восхитительно горячая жидкость толчками заполняет рот, он глотает снова и снова, ощущая, как вместе с кровью в него перетекает сама жизнь.

Помотав головой, вампир отогнал видение. Он сам выбрал свое существование и не собирался от него отказываться.

Он не хотел становиться тем, кем стал – нежитью, вынужденной пить кровь просто для того, чтобы не корчиться от дикой, выворачивающей наизнанку, боли, но раз уж так получилось, то он хотел быть монстром, существующим по своим, а не навязанным со стороны, правилам.

В конце концов, всегда была, хоть и слабая, надежда узнать что-нибудь о судьбе того, кто преподнес Кинби этот сомнительный дар – бесконечное существование и имя – Дитя Ночи.

Кинби не собирался отказываться от этого шанса.

Но сейчас у него были дела поважнее и, наполняя огромную керамическую кружку жидкостью из пакета, Кинби пытался понять, кто и зачем мог проделать в нем дырки вчера ночью.

Уйдя из полиции, Кинби вел себя достаточно осторожно, не геройствуя и не связываясь с силами, воздействовать на которые не мог. Вполне хватало заказов, не требующих риска, а пунктуальность и точность в отчетах об использованных суммах, помогли Кинби получить репутацию заслуживающего доверия профессионала, надежного детектива, умеющего держать язык за зубами.

В том, что стреляли именно в него, Кинби не сомневался. Для того, чтобы стать по-настоящему удобной мишенью, Марте нужно было сделать еще, минимум, пару шагов.

Он чувствовал легкую неловкость, утаив от нее вчера кое-какие интересные подробности. Хотя он и не рассмотрел толком стрелявших, но машину запомнил. Только полный идиот мог приехать убивать в автомобиле, являющемся копией антикварного “порше” цвета лайма.

Идиотов искать легко – и Кинби решил не откладывать это дело в долгий ящик.

Возможно он отложил бы поиски, но дебилы совершили крупную ошибку, посмели стрелять, когда рядом была Марта Марино.

Кинби собирался популярно объяснить им, насколько необдуманно подобные действия.

Посмотрев на лохмотья, валяющиеся в прихожей с прошлой ночи, Кинби зашипел от досады. Новенький костюм, рубашка от Арриано Кордольетти, все безнадежно испорчено и восстановлению не подлежит. Повертел в руках шляпу и тоже со стоном отправил в мусорный мешок, куда уже затолкал остатки костюма.

Проклятье! Точная копия шляпы джентльменов Старой Эпохи залита кровью и измазана какой-то неопределяемой гадостью.

Погубленная шляпа добавилась к общему счету.

Распахнув створки гигантского платяного шкафа Кинби замер, окидывая взглядом полки с аккуратно сложенными джемперами и свитерами, выдвижные вешалки с рубашками и костюмами, отделение, целиком заполненное плащами, сетчатые ящики с обувью и отсек для шляп.

Поскольку ночь обещала быть напряженной, он решил одеться попроще.

Заперев дверь, Кинби двинулся вверх по лестнице, аккуратно ступая по самому краю ступеней. Тяжелые ботинки на толстой резиновой подошве позволяли ступать совершенно бесшумно. Поднимаясь, поправил в кобуре автоматический

кольт с удлиненным стволом, брат-близнец которого уютно устроился под левой подмышкой, и застегнул молнию куртки. Переделка и доводка кольтов обошлась детективу в кругленькую сумму, но он считал, что в вопросах экипировки экономия – верная дорога в небытие.

Широкие брюки, свободными складками спадавшие на ботинки, скрывали две пристегнутые к лодыжкам кобуры с компактными пистолетами. Несмотря на небольшой калибр, они вполне оправдывали свое существование – заставив совесть умолкнуть, Кинби снарядил их абсолютно незаконными но очень эффективными пулями “дум-дум”.

Добравшись до лестницы ведущей на крышу, Кинби остановился и прислушался. Тишина здания была обычной, наполненной привычными ежевечерними звуками и шорохами. Все это Кинби чувствовал и так, но осторожность еще никогда и никому не вредила. Его не поджидали на крыше, не следили из соседних зданий – ничто не нарушало привычный ритм квартала. Аккуратно притворив чердачную дверь, Кинби позволил себе на несколько секунд расслабиться и почувствовать Ночь. Подойдя к краю крыши, посмотрел вниз, на Город, ощутил биение черного сердца жуткого и прекрасного монстра, раскинувшегося у его ног. Он чувствовал движение крови в артериях-улицах и венах-бульварах, слышал, как тяжело дышат прокуренные легкие баров и пивных, ощущал тяжелую похоть борделей и подворотен. Слепил глаза колющий алмазный блеск прозрачных башен Обители Бога

Лантоя, темным пятном раскинулся Дом Тысячи Порогов, переливался разноцветными огнями Дворец Леди Сновидений. Спиной Кинби чувствовал недобрый взгляд крепости Окончательного Лодочника.

А над всем этим сверкающим текучим великолепием парила Летающая Игла Итилора Повелителя Дождей.

Отступив на несколько шагов, Кинби разбежался и прыгнул в темноту Города.

* * *

Шагая вдоль исписанных граффити, охранными рунами, иероглифами силы и просто похабщиной бетонных заборов, за которыми скрывались легальные и не очень склады, пакгаузы, автостоянки, конторы торговцев подержанными машинами и автомастерские, Кинби думал о том, что надо бы выкроить время и встретиться с клиентом, нанявшим его для поисков девушки, которую Чикарро якобы видел вместе с Хранителем Порогов.

Клиент без разговоров внес аванс, ни о чем противозаконном не просил, так что Кинби с чистой совестью принял заказ.

Вот только заняться им толком не получилось.

Свернув в проулок между двумя бетонными заборами, Кинби дошел до железных ворот, преграждавших въезд на территорию очередной автомастерской. Из окна караульной

будки, пристроенной рядом с воротами, лился на истертые бетонные ступеньки неяркий свет. Взбежав по ступеням Кинби постучал.

– Кого там нелегкая несет? – послышался из-за двери хриплый голос.

– Скажи Марио что пришел Кинби. Поболтать надо, – не повышая голоса ответил детектив.

– В будке завозились, что-то со звоном упало, слышались невнятные проклятья. Дверь распахнулась и перед Кинби предстал необъятных размеров храт, полностью перегораживающий проход. Огромные, даже по меркам хратов усы-щупальца покачивались, слегка извиваясь, над мясистой верхней губой. Больше всего привратник напоминал вставшего на задние лапы бегемота бегемота, укутанного в рулон плотного брезента.

Насколько Кинби видел и чувствовал оружия у охранника не было.

– Проваливай, – буркнул бегемот, глядя на Кинби сверху вниз.

Кинби недоуменно вздернул бровь.

– Я не ожидал встретить столь прохладный прием у служащих почтенного Марио. Мы знаем друг друга много лет, и ни разу я не слышал от его сотрудников таких грубых выражений.

– Я сказал, проваливай. – Храт переминался с ноги на ногу, явно решая сложнейшую задачу, сказать “проваливай”

еще раз, или сразу дать наглому коротышке в зубы.

Кинби огорченно вздохнул и решил облегчить мучения бедняги.

Раскрытой ладонью он коротко ткнул храта в центр бочкообразной груди. Туша влетела в небольшую комнату и обрушилась на пол возле окна. Не обращая внимания на неподвижное тело, Кинби прошел через замусоренную караулку и оказался на территории мастерской, неподалеку от ремонтных боксов.

И сразу же понял, почему Марио не хотел его видеть. “Порше” цвета лайма стоял возле ярко освещенного открытого бокса. Из машины неслись нестерпимо громкие звуки, которые хозяин авто по недоумию считал музыкой. Рядышком переминались с ноги на ногу трое – как определил Кинби двое люди из людей, третий – представитель людей из Ночи. Троица что-то бурно обсуждала. Точнее двое, бурно жестикулируя, что-то втолковывали третьему, судя по рабочему комбинезону, автомеханику.

Рев музыки заглушал все остальные звуки, но Кинби не слишком интересовала беседа.

Неторопливо, не скрываясь, он двинулся в сторону бокса. Первым его заметил тот, кого Кинби отнес к людям из Ночи. Белокожий, с прилизанными волосами, затянутый, по последней уличной моде, в облегающие джинсы и узкую короткую куртку, парень лихорадочно задергал «молнию», пытаясь добраться до оружия.

Расстегнув куртку, Кинби извлек кольт. Оружие привычно легло в руку, Кинби навел его на “джинсового” и выстрелил. Колт рывкнул, колено неудавшегося стрелка исчезло в розоватом облачке, превратившись в месиво из снежно-белых осколков кости и ошметков кожи.

Гулко стукнувшись головой о дверь «порше» парень повалился на землю, хватая ртом воздух. Ногу ниже колена практически оторвало, держалась она лишь на нескольких лоскутах кожи да обрывках штанины.

Посмотрев на стремительно расползающееся вокруг него темное пятно, парень тоненько заныл.

С наслаждением вдохнув густой запах свежей крови Кинби выстрелил снова. Музыка захлебнулась. Наступила блаженная тишина.

– Прошу прощения, господа, но мне придется задать вам несколько вопросов. Искренне рассчитываю на ваше дружелюбие. – светски осклабился Кинби.

Откуда-то из глубины заводской территории уже спешил сам Марио, как всегда потеющий, как всегда суетливый. Пара здоровенных лбов, которых Марио, ласково именуемых шефом «племяннички», неслась следом, лапая торчащие в поясных кобурах пистолеты и сурово зырякая по сторонам.

– Кинби! Боги нерожденные, что же вы делаете, уважаемый Кинби! – заголосил Марио, едва детектив оказался в пределах видимости.

– Вы же изувечили этот прекрасный автомобиль! И кли-

енты! Вы только посмотрите, что вы сделали с этим молодым человеком! – причитал владелец мастерской, переваливаясь на коротких толстеньких ножках.

Добравшись до Кинби, он вытянул из кармана гигантский платок и, отдуваясь, принялся вытирать шею и побагровевшее лицо.

– Я тоже очень рад видеть вас, почтенный Марио, – мягко поздоровался Кинби. Кольт, правда, не опустил, лишь чуть повел стволом, так, что теперь он смотрел в пространство между парочкой, застывшей возле «порше» и суровыми «племянничками».

Вытерев лицо, Марио с досадой махнул своим головорезам:

– Ай, да прекратите вы изображать тут охрану. Скажите спасибо, что господин Кинби не застрелил вас. Хотя, может быть, и стоило прекратить ваше бессмысленное существование!

Осторожно взяв Кинби под локоток, Марио почти нежно прошептал, – Господин Кинби, может быть мы с вами побеседуем у меня в офисе, как цивилизованные люди? Я не совсем понимаю, чем вызваны ваши, э-э-э... столь решительные действия, но уверен, мы сможем все решить миром. Правда же? – попытался он заглянуть Кинби в глаза.

– Вообще-то у меня вопросы не к вам, господин Марио. – Кинби был задумчив и благодушен: – Меня интересуют вот этот, как вы изволили выразиться, молодой человек. А также

его друг. Насколько я понимаю, они владельцы этой прекрасной машины?

Ай, да не смешите меня! – всплеснул руками толстяк. – Они арендовали ее в одном из моих салонов, ухитрились безжалостно покалечить красотку, и вот теперь имели наглость приехать сюда и попробовать качать права.

Честное слово, – наливался праведным гневом Марио, – я уже подумывал о том, чтобы закатать их в бетон, но вы опередили меня!

Прервал его негромкий, но очень неприятный, звук взводимого затвора. Необходимости в этом не было, но Кинби прекрасно знал, какой эффект такой звук производит на собеседников.

– Марио, заткнись. – Кинби говорил негромким скучным голосом, тщательно дозируя угрозу и безразличие. – Они стреляли в меня. Это доказывает что они идиоты. Они приперлись стрелять в меня на твоей машине. Значит идиоты вдвойне.

– Но самое главное, – шепот Кинби перешел в шипение, Марио побледнел и робко сглотнул, – Они стреляли в лейтенанта Марино. А теперь скажи, ты идиот?

Вот тут толстяку Марио стало по-настоящему плохо. Он пискнул и судорожно замотал головой, пытаясь отогнать надвигающийся кошмар.

Когда-то Марино и Кинби удалось накрыть банду Сэма

Перышко, молодого, запредельно наглого и хитрого тупой звериной хитростью, парня-полукровки. Мать его была человеком из людей, папаша – человеком из Ночи. Сэм считал себя неотразимым красавцем, к тому же отличался недюжинной физической силой, что вкупе с полным отсутствием совести, обеспечило ему положение вожака среди таких же существ. Буквально за пару лет слава о невероятной жестокости Сема и отсутствии страха перед властями сделала его идеальной кандидатурой для выполнения самых грязных заказов.

Если надо было тихо и незаметно убрать конкурента – серьезные люди шли к другим серьезным людям и те рекомендовали, к кому из специалистов стоило обратиться.

Если же нужно было устроить тупую кровавую баню, то можно было не гадать – Сэм Перышко и его гоблины принимали заказы круглосуточно.

Но однажды Сэму не повезло и сержанты Марино и Кинби повязали троих его парней. Еще двоих во время задержания рассерженная Марта грохнула после того, как Кинби вынес дверь халабуды, в которой отлеживались Сэмовы красавцы.

Самое удивительное – все трое пережили две ночи в общей камере, на третью самый молодой из троицы «поплыл», после чего Сэм занервничал. Парней следовало срочно вытаскивать из тюрьмы, хотя бы и под залог, но репутация Марино и Кинби, тогда еще сержантов, была такая, что даже

самые «черные» адвокаты не решались связываться.

Сэм не нашел ничего лучше, как попытаться припугнуть напарников. Вычислить тогдашнее логово Кинби он не сумел, а потому послал своего личного адъютанта – храта Лоото, передать привет сержанту Марте Марино. Марта проделала в туше Лоото три дырки, но и сама получила по пуле в плечо и ногу. Остальные застряли в бронежилете, после чего Марта горячо полюбила эти неуклюжие сооружения.

Навестив Марту в больнице, Кинби попросил у начальства отпуск, мотивируя его необходимостью расстроенными нервами, и пропал.

Через четыре дня появился, вручил Марте огромный букет роз и отправился писать рапорт об отставке.

Сэма и его оставшихся поделчиков нашли по запаху. Вонь из заброшенного здания на границе с Дымкой стала невыносимой настолько, что забеспокоились даже бездомные бродяги, ночевавшие неподалеку. Прибывшие патрульные вылетели из подъезда через три минуты и вдумчиво блевали до приезда детективов и экспертов. Те были покрепче, но тоже выходили из подъезда с лицами нежно-зеленого цвета.

Картину произошедшего удалось восстановить лишь частично. Сломав шею часовым у подъезда, неизвестный убийца поднялся на два пролета, по пути проломив охраннику на лестничной площадке грудную клетку, и вошел в квартиру.

*Пытаясь представить, каким образом умирали люди Сэ-ма Перышко, эксперты покачивали головами. Убийца оказался на редкость изобретательным, к тому же абсолютно хладнокровным, типом. Некроманту смены удалось разоб-
раться, что Перышко, в то время, как умирали его гобли-
ны, медленно шел вдоль стены. Одной рукой он придерживал
вываливающиеся кишки, другой – пытался вывести на сте-
не фразу «Я извиняюсь перед госпожой Мартой Марино». Писал собственным языком, вырванным уверенной рукой. Чтобы не захлебнуться ему приходилось постоянно сгла-
тывать кровь, его тошнило, ноги скользили в крови текущей
из разорванного живота, но он не останавливался.*

*Как сказал некромант, Перышко слишком боялся, что
убийца снова обратит на него внимание.*

*Доказать, что все это сделал Кинби не удалось, но от-
ставку его начальство восприняло с облегчением. О расправе
над Сэмом узнал весь город и Марта Марино получила ста-
тус неприкосновенной.*

Кинби же без проблем выправил лицензию частного де-
тектива и довольно быстро приобрел стабильную клиентуру.

Разумеется обо всем этом Марио знал, поэтому чувство-
вал как подгибаются ноги и наползает на глаза серая пелена.
Он только надеялся, что у него хватит духу не обмочиться.

Холодная жесткая рука приобняла толстяка за плечи. Ду-
лом кольца Кинби поманил застывшего возле машины пар-

ня.

– Сюда. Живо.

Кинби оценивающе смотрел на приближающегося человека. Высокий, хорошо сложен, одет неброско. Этот явно куда более опасен, чем поделщик, уже навсегда затихший возле «порше». В лице что-то неуловимо лисье, глаза бегают по сторонам, оценивая обстановку. Когда между ними оставалось шага три, Кинби скомандовал:

– Встал. Медленно достал пушку. Бросил в сторону.

Высокий подчинился, осторожно сунул руку за пазуху, вытащил и отбросил в сторону небольшой тупорылый пистолет.

– Теперь второй, – изобразил улыбку детектив.

Вздохнув, парень нагнулся и вытащил из пристегнутой к лодыжке кобуры револьвер. Оружие упало рядом с Кинби, и он отбросил его ногой.

– А теперь, как я уже говорил, мы пойдем в контору Марио и побеседуем. – голос вампира был тих и нежен, как смерть от шелковой удавки.

Марио обреченно пискнул и засеменил к маленькому двухэтажному домику, приютившемуся в глубине территории. Разбитые перед домиком клумбы и старинный фонарь над входом делали его похожим на иллюстрацию из каталога «Идеи загородного дома».

Кинби шел чуть позади Марио, с наслаждением вдыхая ночной воздух, впитывая запах страха, исходящий от тор-

говца и его «племянников». К запаху страха, исходящему от того, что шагал слева от Кинби, примешивался аромат злобы, парень потел, растравливая себя, готовя к нападению.

– Марио, скажи своим бычкам, чтобы даже не пробовали. Я не в настроении, – негромко бросил в пространство детектив.

До домика дошли без происшествий.

Втолкнув Марио и «лисьего», как окрестил про себя Кинби неудавшегося убийцу, он захлопнул двери перед носом «племянников», пробормотав:

– Погуляйте пока, мусор, вон, возле бокса приберите.

После чего развернулся и в одно неуловимое движение оказался возле пленника. Коротко, без замаха, ударил в живот. Парня приподняло над ковром, словно кто-то сверху дернул его за невидимую нитку.

На дорогой узорчатый ковер, устилавший пол в кабинете Марио, упало задыхающееся от боли существо, пытающееся вдохнуть хоть немного воздуха.

Наконец парню это удалось, и он обессилено распластался на полу.

– Встать, – негромко приказал Кинби.

Лежащий не отреагировал, и детектив сгреб в кулак ворот его куртки. Рывком поднял на ноги и ударил снова.

На этот раз пленник рухнул на колени и его сотрясли приступы неудержимой рвоты.

Забившийся в угол кабинета Марио закудахтал, видя, как

гибнет его имущество, но но моментально замолк, наткнувшись на взгляд вампира.

Итак, давайте начнем беседу, – обратился Кинби к присутствующим, дождавшись, когда стихнут звуки рвоты и парень немного отдышится.

– Все очень просто. Я задаю несколько весьма несложных вопросов, получаю на них правдивые ответы и ухожу. Это тот вариант, который мне очень нравится.

– Вариант второй – я не сразу получаю ответы на свои несложные вопросы и начинаю вас пытаться. Получаю ответы и ухожу.

– Но позвольте! Кинби, уважаемый! Я понятия не имею, что натворил этот придурок! – все же решился подать голос Марио, побледневший при упоминании о пытках.

– Не позволю! – рявкнул Кинби. – Они приехали на твоей машине! Твой храт не хотел меня пускать! Значит, ты замазан!

Итак, первый вопрос, – Кинби шагнул к парню, стоявшему на коленях, согнувшись в три погибели, посреди темного воняющего пятна:

– Кто меня заказал?

Парень покачал головой и промолчал. Схватив его ладонь, Кинби одним движением сломал и, резко потянув в сторону, оторвал мизинец. Дико заорав, парень задергался, пытаясь вырваться. Ухватившись за безымянный палец, Кинби, не повышая голоса, повторил вопрос.

Плача и завывая, неудачливый убийца выдавил:

– Морган! Морган Белоглазый!

Умница. Вот видишь, все просто, – потрепал Кинби парня по щеке. Но руку не выпустил.

– Вопрос второй. Кто приказал стрелять в лейтенанта Марино? – и детектив поплотнее обхватил безымянный палец пленника.

В ушах у Кинби уже слегка звенело от запаха свежей крови, хлещущей из оторванного пальца. Звуки, цвета, запахи... Все вокруг стало невыносимо ярким и громким. Кричал запах крови, переливался жемчужной белизной осколок кости в оправе из ошметков кожи, страхом и подлостью воняли звуки, исторгаемые стоящим на коленях существом.

– Морган! Он! Он заказал, чтобы в тебя, но когда легавая рядом будет. Чтоб если подфартит, то и сучку тоже.

Задумчиво посмотрев на «лисьего», Кинби отпустил его ладонь и парень свернулся калачиком на ковре, плача и баюкая искалеченную руку.

– Так. Еще один вопрос. – толкнул детектив носком ботинка тело, свернувшееся на ковре в позе зародыша. – Ты и приятель твой, откуда?

– Из Залива. Нас Морган оттуда выписал – простонал парень.

– Угу. Чудненько. Я так и думал, что не местные. – кивнул Кинби и опустился перед «лисыим» на корточки.

– Знаешь что? – прошептал он почти ласково, глядя в пол-

ные страха и надежды глаза. – Ты честно ответил на мои вопросы. Это хорошо. Но ты стрелял в лейтенанта Марино. И ты посмел назвать ее сукой.

Глаза Кинби превратились в два колодца абсолютной пустоты и парень понял, что сейчас умрет.

Он открыл рот, пытаясь закричать, неловко забил ногами, пробуя отползти. Он очень хотел, чтобы кончился кошмар и снова вернулась привычная жизнь, в которой он был крутым и должен был жить вечно, но Кинби оборвал эти попытки, вырвав неудавшемуся киллеру кадык.

Дождавшись, когда умирающий перестал клекотать и дрыгать ногами, Кинби перевел взгляд на торговца машинами. Забормотав невнятное, тот попытался закрыться руками, надеясь слиться со стеной. Толстяк так и не понял, как это получилось – вот Кинби стоит над трупом в центре комнаты и смотрит на расплзающееся бурое пятно, и вот он уже стоит рядом и поднимает его – толстяка Марио за шиворот дорогого пиджака, словно новорожденного щенка.

Кинби пронес торговца из угла, в котором тот прятался, к огромному письменному столу, слушая, как с хрустом и треском расплзается ткань пиджака под весом его хозяина, и швырнул в исполненное на заказ кресло, позволявшее увесистому Марио чувствовать себя комфортно.

Обошел стол и со вздохом опустил в гостевое кресло – тоже удобное, конечно, но существенно поменьше и поскромнее.

Задумчиво поерзал, устраиваясь поудобнее, затем махнул рукой, откинулся на спинку и водрузил ноги в тяжелых, запачканных кровью, ботинках на полированную столешницу.

– Итак, уважаемый господин Марио, – светски произнес Кинби, – объясните мне, пожалуйста, как вас угораздило связаться с этим отребьем.

И пожалуйста, – голос вампира стал чуть жестче, – убедительно объясните, почему я не должен вас убить.

Тяжело дыша, Марио нагнулся и зашарил в ящиках стола. Добыл из недр плоскую бутылку, отвернул пробку и надолго присосался к горлышку.

Со стуком опустил бутылку на стол и выдохнул:

– Верите, меня просто попросили дать тому, кто придет от Моргана, тачку. Любую, какую тот захочет. Сам Морган и попросил. Вот, верите?

Изобразив в воздухе замысловатый жест, Кинби пожал плечами.

– Верю. А разве не должен был? Но вы продолжайте, продолжайте.

– А дальше все очень просто. Пришли два этих пестрозадых, ткнули пальцем в «порш». Да вы на них посмотрите только, господин Кинби! Ну за версту же видно, что они и Города-то не видели! Ну я и решил, что ничего серьезного эти кретины не учинят. Да и не мог я Моргану отказать, – прижал для убедительности Марио пухлые ладошки к нагрудному карману пиджака.

– Это да. Это знаю. – задумчиво бросил Кинби.

Действительно, отказать в такой просьбе Марио просто не мог. Все, что было связано с автомобилями в восточной части Города, Морган держал железной хваткой. Говорили, что он нашел способ привлечь к этому и обитателей Дома Тысячи Порогов. Кинби недобро усмехнулся – стоит лишь немного копнуть, и за потусторонними силами, загадочными ритуалами, таинственными пророчествами, исходящими из уст Воцарившихся Богов, обнаружатся все те же вечные пружины и шестеренки, движущие мир – жадность, жажда наживы и власти, все те же интриги и подлые приемчики. Ничего нового – все знакомо, привычно и мелко.

– Ну не знал я! Даже предполагать не мог, что эти... эти вот такое учинят! Ну это же надо настолько головы не иметь! – причитал и всплескивал руками Марио.

– Почему храт дурил? – резко прервал поток красноречия Кинби.

– Каюсь! Каюсь, господин Кинби! Эти вот, приехали и велели никого не пускать, пока они тут. Видимо очень не хотели, чтоб их кто-то видел, кроме моих людей.

Да и я сам, честно говоря – виновато поморщился Марио, – не очень хотел, чтобы почтенные клиенты видели что у меня на территории такие вот... шляются.

Кинби остро чувствовал исходящий от Марио запах – вонь жестокого страха, смешанного с неуверенным облегчением и робко крепнувшей надеждой на то, что его не убьют.

– Хорошо, я вам верю. – детектив хлопнул ладонью по подлокотнику, – Извините за некоторый, м-м-м, – пошевелил пальцами в воздухе Кинби, подбирая слово: – беспорядок, но вы должны понять, я был несколько расстроен.

Что вы, что вы! – замахал потными ладошками Марио. – Я так рад, что все прояснилось!

– Я тоже искренне рад, господин Марио. – Кинби снял ноги со стола, снова заерзал в кресле, пристраиваясь поудобнее, – А теперь поведайте мне, что интересного говорят в Городе днем?

Марио сиял. Он любил Кинби. Он готов был расцеловать его. Но боялся. Ужасно боялся, что если он прямо сейчас не расскажет все, что тот хочет, то сидящее в кресле и мило улыбающееся существо махнет рукой и оборвет его жизнь.

– Не то чтобы это было достоверно, господин Кинби, – осторожно начал торговец, – но был слушок, что у кого-то видели некий очень ценный предмет. Очень ценный и очень старый. Якобы времен Войн Воцарения. И что предмет этот пропал.

– И что? – вздернул бровь Кинби. – Такие артефакты имеют свойство всплывать и пропадать. Осколки прошлого, экзотика, но не более.

– Не знаю. Ни что это такое, ни у кого этот предмет был. Но слышал, что ищут его очень активно. И не только земные – многозначительно подчеркнул последние слова Марио. – Говорят, даже кто-то из обитателей Высоких Домов интерес

проявлял, но очень осторожно. Сами знаете, все стараются сохранять существующее равновесие. А вот что это и зачем – уж простите, не знаю и знать не очень-то и хочу. Говорят, что интересоваться им очень и очень вредно для здоровья.

А кто именно вам об этом предмете говорил? – поинтересовался Кинби. И тут же уточнил:

– Разумеется, источник информации останется в тайне.

– Я верю! Я верю! Я же прекрасно вас знаю, уважаемый господин Кинби!

– Так кто?

– Вы знаете, а вот как раз Морган что-то такое и говорил. Когда просил дать машину этим его пестрозадым. Он и бросил фразу, что все на ушах стоят, ищут какую-то штуку времен Войн и ему самому некогда мелочевкой заниматься.

Кинби задумчиво хмыкнул и поднялся. Торговец смотрел на него с преданностью дворняги.

– Спасибо, уважаемый Марио. Я рад, что наше маленькое недоразумение разрешилось столь быстро.

Не дожидаясь ответа, Кинби повернулся и вышел.

Ввалившиеся в кабинет насупленные «племянники» увидели небывалую картину – толстяк Марио присосался к бутылке виски. Он глотал обжигающую влагу и плакал от облегчения. Оторвавшись от бутылки, перевел взгляд на своих мордovorотов и радостно заорал:

– Что хлеба́ла морщите? Идиоты, сегодня ваш самый счастливый день! Мы все живы!

Засунув руки в карманы спортивной куртки, Кинби неторопливо петлял по темным переулкам рабочей окраины, двигаясь к центру, и размышлял.

После того, как Марио назвал имя Моргана, первым побуждением Кинби было, не откладывая навестить его и поспрашивать, зачем тому понадобилось нанимать таких креатинов и отправлять на охоту за головой детектива. Но Кинби преодолел искушение и задумался. А действительно, зачем это Моргану, который, конечно, никакой любви к Кинби не испытывал, но прекрасно знал его репутацию, нанимать таких клинических дебилов и бездарно пытаться его убить? Грохнуть грубо, грязно, на глазах у свидетелей и, самое главное, по возможности вместе с Мартой Марино?

Решиться на такое мог или абсолютный безумец, или... Вот тут Кинби остановился и закурил. Вспышка коротко осветила мраморно-белое лицо, застывшее в хищной усмешке. Или кто-то очень хотел, чтобы Кинби занялся личной мстостью и бросил все остальное. А значит заказчик как раз хорошо знает репутацию детектива и рассчитывает что после того, как под угрозой оказалась жизнь лейтенанта Марино, он будет заниматься исключительно охотой.

Следовало хорошо обдумать, что же такое происходит. По всему выходило, что какое-то из дел Кинби затрагивало чьи-

то очень и очень серьезные интересы. Серьезные настолько, что было организовано демонстративное покушение.

Кинби задумчиво хмыкнул. Если он кому-то так мешал, то почему же его просто не убрали? Да, конечно, его гибель наделала бы шуму, да и хлопотное это занятие – убивать вампира, который помнит мир еще до Воцарения Богов, но, в принципе, вопрос решить можно.

Но не так же топорно!

Серебряный клинок в сердце, серебряная же пуля из снайперской винтовки – и, если повезет, то на рассвете можно будет выволакивать тело на солнышко.

Прокручивая в голове дела, которыми он занимался в последнее время, Кинби свернул в неприметный проулок, перегороженный двухметровым забором, оттолкнулся и взмыл над грязными камнями мостовой. Мягко приземлившись на другой стороне, продолжил прогулку.

Выйдя на тихую улочку, вдоль которой стояли двух— и трехэтажные частные дома, огороженные аккуратными, крашеными в белый или светло-зеленый цвет, заборами, Кинби свернул налево и двинулся вниз по улице.

Дом, к которому он шел, мог вызвать у случайного прохожего припадок истерического смеха, головную боль или озноб ужаса.

Невысокую центральную башню с пятью рядами окон окружали, обвивали, душили различные пристройки, флигели, открытые террасы, державшиеся на хлипких с виду де-

ревянных подпорках.

К дверям на уровне третьего этажа вели шаткие наружные лестницы, а один из флигелей хвастливо показывал язык мраморного крыльца. Правда, истертого не одной тысячей ног.

Единственный ржавый фонарь, раскачивавшийся под порывами легкого горячего ветра, бросал причудливые тени на стены дома. Прикинув, в каких окнах горит свет, Кинби узнал, что не спит частный некромант, державший контору по нотариальному заверению спорных завещаний да престарелый педераст из артистического мира, именовавший себя импрессарио. По большей части, насколько знал Кинби, он зарабатывал тем, что поставлял мальчиков для стриптиз-баров и закрытых корпоративных вечеринок.

Горело и окно на третьем этаже. Детектив легко взбежал по скрипучей лестнице, прошел по террасе, опоясывавшей весь третий этаж и распахнул дверь.

Юринэ конечно же слышала его шаги, как только он начал подниматься по лестнице и теперь сидела за своим столом с видом примерной ученицы, которой учитель несправедливо поставил четверку за безупречную контрольную.

Пухлые губы слегка поджаты, карие раскосые глаза опущены, спина прямая – образец трудолюбивой секретарши.

Вздохнув Кинби привалился к дверному косяку и сунул в рот сигарету.

– Юринэ, не надо изображать муниципального служаще-

го, лишённого квартальной премии. Кто приходил, что сказал, почему ушел недовольным?

Откинувшись в своем кресле Юринэ сплела руки на груди и изобразила глубокую задумчивость.

– Так, дай сообразить... Сначала приходил хозяин дома и очень настойчиво интересовался, когда ты внесешь аренду за следующий месяц.

– Мелочи, деньги будут завтра. Дальше.

– Заходили сержанты Кросс и Болович. Хотели узнать, когда будут готовы отчеты по делу банкира Ворвицы.

– Юринэ! ты же должна была их напечатать еще позавчера! – возмутился Кинби.

– Я и напечатала! Но ты то их должен был подписать!

Тихонько застонав, детектив выкинул в ночь окурок и направился к своему столу. С отвращением посмотрел на аккуратную стопку отчетов и взялся за ручку. Он терпеть не мог подписывать документы.

– Продолжай. Что еще? – сказал он, не отрываясь от бумаг.

– Еще приходил тот тип, что поручал тебе разыскать свою сестру. Ну, тот, про которого ты сказал, что это никакой не брат. Кстати я совершенно с тобой согласна – не сестру он ищет. Но расплатился он полностью.

– Как это, расплатился? – несколько ошарашено спросил Кинби.

– Да вот так! – Юринэ развела руками, поднялась и щелк-

нула электрическим чайником, стоявшим на столике в глубине комнаты. Достав банку зеленого чая, принялась тщательно отмерять заварку. К чаю она относилась с трепетом, говоря, что почтение к этому напитку у нее заложено на генном уровне. Впрочем, как не раз язвительно замечал Кинби, это не мешало ей питать страсть к гамбургерам и хот-догам с острой горчицей.

– Пришел он около семи вечера, расплатился по стандартной ставке за два дня, отчета не попросил, сказал, что с сестрой все нормально и ушел.

– Очень странно, – пробормотал Кинби, возвращаясь к бумагам.

– Да вот и мне он каким-то странным показался – сказала Юринэ.

– Почему? Попробуй объяснить. – Кинби давно уже привык доверять интуиции своей секретарши. Оттенки настроения она чувствовала потрясающе.

– Ты знаешь, он был какой-то напряженный и рассеянный одновременно. Ну словно ему предстояло серьезное дело и он торопился. Причем дело не очень приятное, и он постоянно думаетименно о нем, а тут – так, мелочи. И расплатиться надо было просто для того, чтобы потом не отвлекаться.

Кинби помолчал, осмысливая слова Юринэ. Откинувшись в кресле, он положил ноги на стол, и задумался, сцепив руки на затылке.

Невысокий лохотеный типчик, появившийся в конторе па-

ру дней назад, просил разыскать его сестру. Понимаете, бедняжка пропала, он очень переживает. Да-да, она уже уходила пару раз из дома и ему приходилось бегать по ее знакомым. Да, увы, сестренка весьма легкомысленна и испытывает, ну, вы понимаете, сильную тягу к противоположному полу. Увы, ему уже случалось отваживать ее прилипчивых ухажеров. Ах, их бедная мама – он так боится, что ее большое доброе сердце не выдержит, мама такая старенькая.

Ни единому слову Кинби не поверил. Кроме того, что тип этот действительно очень хотел разыскать девушку. Глянув на фотографию, добытую посетителем из недр дорогой кожаной папки, модной в этом сезоне у брачных аферистов, страховых агентов и преуспевающих коммивояжеров, Кинби решил, что сестренка и братишка друг друга стоят.

С фотографии вызывающе смотрела крашеная блондинка лет двадцати семи-тридцати. Пухлые губы изогнуты в улыбке, обозначающей чувственность, холодные глаза оценивают весь мир как кошелек потенциального спонсора. Аккуратный чуть вздернутый носик, высокие скулы. Типаж, на который клюют уголовники, постовые полицейские и охранники казино. А вот фамильного сходства с братцем не чувствовалось. Впрочем, решил Кинби, это совершенно не его дело.

«Обеспокоенный брат», представившийся Питером Стерлингом ответил на стандартные вопросы Кинби – где «сестренка».

Ах, да, Ольга, работала – понимаете ли, она постоянно ни-

где не работала, никак не могла решить, чем же ей хотелось заняться, где Ольга бывала, – как и следовало ожидать, пара ночных клубов средней руки, несколько ресторанов, где девушку видели с разными кавалерами, подруги – ох, она ни с кем меня не знакомила, я, понимаете ли, живу отдельно. Да-да, я знаю о э-э-э, специфике вашего существования и метода работы, это именно то, что надо, Ольга, она, знаете ли, существо, хи-хи, ночное...

Врал. Врал господин Питер Стерлинг. Но деньги перешли из рук в руки, а видеть бегающие глазки клиентов Кинби было не впервой.

Даже хратам – образцовым семьянинам в массе своей, доводилось сталкиваться с неверностью, что уж говорить о людях из людей или людях из Ночи. И тогда в небольшой комнате оказывались «братья» или «дяди», обеспокоенные судьбами сестер и племянниц.

Впрочем, на рогоносца Питер Стерлинг похож не был.

Сейчас Кинби сопоставлял крохи собственной информации, слова Юринэ, рассказ Марио и приходил к выводу, что именно от дела брата Питера и сестрички Ольги хотели его отвлечь. Правда совершенно непонятно, почему.

Юринэ внимательно посмотрела на Кинби и замотала головой:

– Нет-нет-нет. С тобой расплатились, дело закрыто. Даже не говори, что ты решил искать эту девицу.

– Понимаешь ли, цветочек, – улыбнулся Кинби, – вчера

ночью кое-что произошло.

Одним из несомненных достоинств Юринэ было умение слушать. Во всяком случае именно этот ее талант Кинби считал безусловно нужным и полезным для работы.

Ему очень нравилось смотреть, как она начинает задумчиво постукивать кончиком карандаша, который вечно крутила в руках, по белоснежным зубкам, морщить лоб, хмыкать, если информация была уж совсем невероятной. Обычно, выслушав Кинби, она на некоторое время впадала в абсолютную неподвижность, становясь похожей на хрупкую фарфоровую куклу, затем отбрасывала с лица жесткие черные волосы, вечно закрывающие левый глаз, и шла к столику с чаем.

Сейчас она слушала чуть приоткрыв рот и забыв про карандаш.

По мере того, как Кинби выкладывал факты, он все больше приходил к выводу, что ему стоит вот прямо сейчас подняться и отправиться на розыски господина Питера Стерлинга или информации о нем. Было очень похоже, что именно благодаря этому хлыщу и его холодноглазой сестричке был загублен прекрасный костюм. И шляпа. Про шляпу тоже нельзя было забывать.

О стрельбе в автомастерской и испорченном ковре толстяка Марио Кинби решил не говорить, пересказав лишь слухи, о которых поведал ему торговец автомобилями. Юринэ, судя по всему, что-то почуяла, поскольку глянула на шефа с

глубоким недоверием, но промолчала.

– И вот теперь, – Кинби сделал последнюю затяжку и раздавил окуроч в тяжелой стеклянной пепельнице, – я очень хочу найти господина Стерлинга и задать ему несколько вопросов.

Кинби пружинисто поднялся, но Юринэ уже блокировала путь отхода, встав перед креслом шефа – глаза полны укора и грусти, тонкий пальчик указывает на неподписанные отчеты. С тяжелым вздохом Кинби снова опустился в кресло и пододвинул к себе желтоватые бланки. Несколько минут в небольшой комнате было слышно только тихое шуршание бумаги и тяжелые вздохи Кинби, выводящего очередную подпись.

Расправившись с последним бланком, он с удовольствием отодвинул стопку и кинул ручку в верхний ящик письменного стола. В противоположность ухоженной, полированной и тщательно оберегаемой домашней мебели, стол этот, впрочем как и вся остальная обстановка конторы, имела такой вид, словно ее нашли на свалке, Отчасти так оно и было.

Язвительно улыбнувшись, Юринэ аккуратно собрала бумаги и, уложив в прозрачную пластиковую папку, убрала в свою вместительную сумку.

– Завтра я, скорее всего, весь день буду мотаться между судом и Департаментом полиции, – сообщила она.

– Юринэ, радость моя, ты знаешь, что передо мной об этом отчитываться не обязательно, я уверен, что ты все и

всегда делаешь правильно.

Уже открыв дверь, Кинби застыл на пороге и шагнул назад. Он очень серьезно посмотрел на Юринэ. Девушка вопросительно подняла бровь.

– Юринэ. Будь очень. Очень. Осторожна, – выделяя каждое слово сказал Кинби, после чего распахнул дверь и исчез.

О заказчике, назвавшемся Питером Стерлингом Кинби не знал фактически ничего. Человеку стороннему это могло бы показаться странным, но подчас Кинби было известно о заказчике только то, что он способен внести аванс, без получения которого детектив работать отказывался. Все остальное волей или неволей выяснялось позже, уже ходе работы, когда требовалась дополнительная информация. И тут уж Кинби ставил заказчика перед выбором – рассказывать то, что ему, Кинби, нужно для дела, или распрощаться с уплаченными деньгами но сохранить свое инкогнито.

Питер Стерлинг аванс внес. И зачем-то расплатился окончательно, хотя Кинби свою часть сделки выполнить не успел, причем клиент явился в контору днем, хотя прекрасно понимал, что детектива не застанет.

Объяснить это Кинби мог только одним – Стерлингу понадобилось срочно исчезнуть. При этом гарантировать то, что детектив, не станет о нем расспрашивать, интересоваться, не пойдет по следу сам, если, вдруг, наткнется на Ольгу или информацию о ней, и не потребует остальную часть денег по договору.

А заставить «обеспокоенного брата» так себя вести могла только очень серьезная опасность. Как сказала бы Марта, «парнишка жопой почуял, что пахнет жареным».

Да не просто жареным, хмыкнул про себя Кинби, сворачивая в узкий переулок, выходящий на Апрельский проспект, а уже вполне себе горелым. Парень решил бросить поиски своей «сестренки», за которые заплатил весьма неплохие деньги. А найти дамочку он хотел очень сильно – Кинби хорошо помнил лицо посетителя. Выспрашивая о том, когда Кинби возьмется за работу и скоро ли можно будет ждать первых результатов, «братец» подался вперед, ухоженные пальцы нервно и совсем не аристократично вцепились в шляпу, до этого небрежно лежавшую на колене.

Очень. Очень сильно нужна ему была «сестренка» Ольга.

А вот о себе Стерлинг распространяться не стал, сказав, что свяжется с Кинби сам, от визитов к нему и его почтенной матушке, адреса которой он, кстати, не назвал, попросил пока воздержаться, посоветовал начать как раз с ночных клубов и танцполов – «ну, вы понимаете, я именно поэтому и нанял вас, как раз учитывая специфику...».

Правда одна зацепка была. Разумеется, Кинби задал стандартный вопрос, а как связаться с уважаемым заказчиком, если ему, Кинби, будет необходимо передать какое-нибудь срочное сообщение. Стерлинг поморщился и принялся велемучиво и путано объяснять, что специфика его бизнеса предполагает постоянные перемещения, приходится встречаться

с партнерами и заказчиками, а психосвязью он пользоваться не любит, неоправданно дорого, да и как найти астралота, которому можно доверять, так что, увы... Хотя, если подумать, все же выдал из себя Стерлинг, глядя в неподвижные глаза Кинби, если будет что-то действительно срочное о его любимой сестренке, то ему можно оставить сообщение в ночном клубе «Башня Итилора» что на Дождевой улице.

Местечко это Кинби знал. Небольшое лопающееся от пафоса заведение, с вечера и до утра набитое начинающими делягами, нелегальными брокерами, некромантами с сомнительными лицензиями, ипподромными жучками и прочей ночной накипью. И, разумеется, их спутницами, ярко накрашенными пустоглазыми девицами, появление которых можно было безошибочно опознать по визгливому гиеньему хоту.

Кухня в «Башне Итилора» была омерзительной, а при воспоминании о звучащей там музыке, Кинби передернуло.

Неудивительно, что Стерлинг выбрал именно такое заведение.

Идти до Дождевой улицы было порядочно, а искать такси в тихом районе частных домиков в такое время было занятием бессмысленным. Кинби ускорил шаг, стремясь побыстрее добраться до Апрельского проспекта.

– Боги воцарившиеся, – пробормотал Кинби, входя в украшенные серебристыми потеками двери – если бы Повелителю Дождей не было настолько наплевать на дела внизу, он бы уже давно разнес этот позорящий его имя притон.

Тонувший в серебристом полумраке зал сотрясали низкие ухающие звуки, издаваемые двумя огромными колонками, место которым было не меньше чем на городской площади. Вокруг трех шестов, установленных в глубине зала, извивались девицы разной степени обнаженности, на танцполе потные мужички в несвежих сорочках с полураспущенными галстуками исполняли брачные танцы вокруг немногочисленных самочек.

Бабуины на месте танцоров, пожалуй, выглядели бы позорящее, решил Кинби и направился к бару. Дорогу ему преградило квадратное существо в униформе, которая должна была, по замыслу хозяина заведения, придавать охране более respectable вид. Выходило плохо.

– С оружием нельзя. – скучно протянуло существо. Кинби оценил его как перекачанное недоразумение из людей Ночи.

– Мне – можно. – не менее скучно ответил Кинби и улыбнулся. Слегка выпустив клыки. Существо сглотнуло.

Кинби протянул руку, поправил вышибале галстук и стряхнул с нелепой пародии на фрак какую-то блестку.

– Застегни лапсердак, выдохни и вали к дверям, неси службу.

Не оглядываясь, Кинби продолжил свой путь к бару.

Тощий, изогнутый вопросительным знаком храт со свернутыми тугими спиралями усами подлетел с дальнего конца стойки:

– Чего изволите?

– Мне нужно шепнуть несколько слов для господина Стерлинга, – проорал Кинби, глядя в фиолетовые глаза храта.

Тот резко дернул усом, матовый хлыст развернулся и обвил шею хозяина. Кинби знал, что у хратов это выражает целую гамму чувств – страх, неуверенность, озадаченность. И все это разом.

Становилось все интереснее.

– Простите, но я не совсем понимаю, кого вы имеете в виду, – бармен был сама любезность.

– Уважаемый, – Кинби двинул по стойке купюру, – господин Стерлинг сказал мне, что если мне надо будет передать ему что-нибудь важное, то я могу это сделать в заведении под названием «Башня Итилора». Название, конечно, идиотское, но вывеска соответствует. Так что? – изобразил на лице дружелюбие Кинби: – Я попал по адресу?

Второй ус храта, изобразив в воздухе сложную фигуру, указал на опоясывающий зал балкон, где были расставлены пронзительно-красные диваны и столики из тяжелого стек-

ла. Почти все столики были заняты. Ус был направлен на прятавшийся в углу диван, где уютно расположился какой-то мужчина. По всем признакам человек из людей. Правда рассмотреть его как следует мешала подсветка танцпола, лампы которой были расположены как раз над диваном. Очень удобно, если ты хочешь, чтобы тебя не могли разглядывать снизу, оценил Кинби. Видно только, что он пьет нечто разноцветное из широкого стакана.

– И зачем вы так невежливо тычете в этого добропорядочного гражданина? – осведомился детектив.

– Попробуйте поговорить вот с тем человеком, – сказал бармен и пододвинул Кинби бокал с чем-то зеленым. – Это за счет заведения.

После чего моментально исчез из поля зрения, материализовавшись в противоположном углу стойки.

Взяв бокал, Кинби не спеша направился к лестнице, ведущей на балкон.

Несмотря на слепящий свет, мешающий рассмотреть лицо, Кинби узнал того, кто сидел на диване. Правда он не ожидал, что Рональд Конверт решит обосноваться здесь – обычно «почтовые отделения» выбирали места потише и поуютнее, специфика работы обязывала.

Подойдя к столику, он понял, что Рональду этот грохот не мешает. К трем имплантатам, установленным, как знал Кинби, в Центральной храмовой клинике бога Лантоя, добавились еще два. Теперь Конверт напоминал легендар-

ную Медузу Горгону – гибкие камеры слежения, микрофоны, сканеры эмосферы, детекторы некроактивности и прочие, необходимые для профессионального «почтового отделения» устройства, извивались вокруг его головы на тонких гибких стеблях, пучками выходящих из черных кругов имплантантов. С таким оборудованием он мог сохранить сообщение любой степени сложности а также по желанию формировать звуковую сферу вокруг себя.

Дела у Конверта явно шли просто замечательно, поскольку каждый имплантант стоил целое состояние.

Отсалютовав стаканом, Кинби кивком показал на свободное кресло возле столика Рональда и изобразил лицом вопрос: «Можно?».

Дождался ответного кивка и с усталым вздохом сел.

Таких как Рональд-Конверт в Городе было немного. Абсолютно надежные, при любой обстановке сохранявшие абсолютный нейтралитет «почтовые ящики» не просто принимали сообщения и передавали адресату. Нет, их роль в теневой жизни Города была куда более существенной, хотя и с трудом поддавалась определению.

Они были своеобразными нейтральными территориями, их присутствие гарантировало безопасность любых встреч и переговоров. А еще они были живыми летописями, сохраняя в своей бездонной памяти малейшие крупинки информации.

Конверт был старейшим, насколько знал Кинби, «почтовым отделением» города и пользовался безграничным дове-

рием клиентов.

Сейчас Конверт рассматривал Кинби с выражением спокойного интереса. Откинувшись на спинку дивана он неторопливопил коктейль, со вкусом затягиваясь сигареткой ручной работы.

Поставив стакан на стол Кинби закурил, выпустил несколько безупречных дымных колец и перешел к делу:

– Рональд, один мой клиент оставил координаты этого заведения в качестве места, где я могу оставить для него сообщение. Бармен указал на вас.

Ответом ему было вежливое молчание и жест, означающий – будьте любезны, продолжайте дальше. Чтож молчаливость была еще одной характерной чертой «почтовых отделений». Болтливые просто не выживали.

– Мой клиент сказал, что его зовут Питер Стерлинг. Так вот, он неожиданно исчез а мне как раз очень срочно понадобилось оставить ему весточку. так что будьте добры, передайте Питеру, чтобы он связался со мной.

Увы, человек, которого вы называете Стерлингом, более не является моим клиентом, – покачал головой Рональд. Пучки «щупалец» заколыхались вокруг его головы, словно водоросли в черной глубине и постепенно успокоились.

– Сегодня днем он полностью расплатился со мной.

Да, парень явно решил сделать все, чтобы на него нельзя было выйти, – подумал Кинби.

Пытаться расспрашивать Конверта о клиенте было абсо-

лютно бесполезно. С бОльшим успехом можно было про-
бовать разговорить столешницу или дверную ручку. Ис-
пустив еще один тяжкий вздох, детектив поднялся и, по-
прощавшись, спустился в зал. Прокладывая путь к выходу
сквозь ставшую куда более плотной толпу, Кинби прикиды-
вал маршрут, по которому стоило пройти в поисках хоть
какой-то информации о «братце». Дело обещало быть скуч-
ным и нудным. Как и девяносто девять процентов детектив-
ной работы.

Мягким текучим движением Кинби развернулся и чело-
вечек, пробиравшийся следом за ним, ткнулся ему в грудь.

– Мизинчик, тебе чего? – негромко спросил Кинби.

Ростом человек явно не вышел и как многие глуповатые
люди маленького роста пытался компенсировать это нагло-
стью и броской одеждой. Сейчас же, глядя на Кинби снизу
вверх, коротышка явно чувствовал себя не в своей тарелке. В
такие моменты Кинби думал, что и его существование имеет
светлые стороны. Его хотя бы боялись.

– Ну, так тут кто-то о Питере спрашивал? – кривовато
улыбнулся Мизинчик.

На ловца и зверь, – подумал Кинби, не выказывая внешне
какой-либо заинтересованности.

Мизинчик действительно мог знать что-нибудь интерес-
ное. Мелкий жучок, постоянно крутившийся на ипподро-
мах, вокруг букмекерских контор и закрытых спортивных
клубов, Мизинчик видел многое, а слышал и того больше.

По большей части это были просто обрывки фраз, но если знать, как спрашивать... Кинби спрашивать умел и за ответы платил.

– Пошли, выйдем, – кивнул в сторону дверей Кинби и, не оборачиваясь, зашагал к выходу. Мизинчик пробирался следом, торопливо работая локтями и придерживая норовившую сползти на глаза шляпу.

Вывалившись из дверей человек заозирался в поисках Кинби.

– Я здесь, – раздался из глубоких теней, причудливым узором расплзавшихся по стене дома, голос Кинби. Изображая чувство собственного достоинства. Мизинчик зашагал к едва различимому силуэту.

– Итак, что ты хотел мне сказать?

– Ну, так я слышал, вы Питером Стерлингом интересуетесь? – попытался заглянуть Кинби в глаза Мизинчик. Попытался и отпрыгнул на шаг, рассмотрев красноватые отблески в тенях.

– К делу. Если будет интересно, сам знаешь, заплачу. – скучающе протянул вампир.

– Ну, так думаю будет. – Мизинчик сдвинул шляпу на нос, почесал затылок и продолжил, – Ну, на самом деле не Стерлинг он никакой. Звать его Борис Паланакиди, сам он не из Города, все больше по пригородам шарился, да около Залива.

– Знаешь откуда?

– Ну... вроде как пару дел вместе проворачивали.

– Чем промышляет?

– Да по-всякому. То тем, то этим. Все больше по побрякушкам, которые с Войн остались. Что попадалось – скупал, правда по мелочи все, настоящих-то бабок у него никогда и не было. Если катило, фуфлю толкал да ноги делал.

– Он как, один работал или с кем-то?

– Да когда как, – пожал плечами коротышка. – Но последнее время деваха какая-то вокруг крутилась. Ольга, вроде. Атласная такая кобылка. Но из тех, что сначала на кошелек смотрит, а уж потом на остальное.

– Так. Ты говоришь, он все больше по пригородам шуrowал. Так что его сюда-то понесло?

– Да кто его знает. Я его пару раз тут, в «Башне» видал, он с Конвертом базарил. Ну и все.

– И все? – с нажимом спросил Кинби.

– Да вроде как. Слушок правда ходил, что он с какими-то очень крутыми парнями связался. Вроде как он и деваха эта что-то такое нарыли, действительно серьезное и хотели загнать. Но – это я просто слышал краем уха.

– Еще что?

– Все. Не, правда, что знал, все сказал.

– Ладно, если что услышишь, сам знаешь, где меня найти – сказал Кинби, отсчитывая купюры.

Мизинчик радостно осклабился, спрятал деньги во внутренний карман оранжевого пиджака и отбыл.

А Кинби постоял еще немного, осматривая улицу и прикидывая, куда пойти теперь.

Имя Борис Паланакиди ему ни о чем не говорило, но по словам Мизинчика тот в Городе особо и не светился. Что же могло привести такого мелкого афериста сюда, на чужую территорию? Какая-то крупная добыча, за которую могли дать настоящую цену только по-настоящему серьезные и понимающие покупатели. Искать таких можно было только в Городе.

Обдумывая полученную от Мизинчика информацию, Кинби двинулся к городскому Управлению полиции. Если Марта не на выезде, то наверняка не откажет в небольшой любезности и пороется в файлах Управления.

Если господин Паланакиди интересовался артефактами Войн Воцарения, то велика вероятность, что им уже интересовались.

А если Кинби сильно повезет, то можно будет найти что-нибудь и о «пропавшей сестренке».

Старые кварталы. Той же ночью

Бесполезно измерять глубину тьмы.

Как бы глубоко вы ни погрузились, все равно внизу окажется вязкая бесконечность, в которой мелькают кошмарные тени и неторопливо шествуют беспредельно чуждые в своей извращенной жестокости, существа.

Здесь не существует таких понятий, как пощада, милосердие, жалость.

Здесь недоуменно переглядываются, услышав незнакомые слова – надежда, свет, доброта, сочувствие.

Тому, кто решится вести дела с тьмой, стоит помнить о том, что она готова платить только ту цену, которая устраивает ее саму.

Тьма не любит, когда продавец торгуется.

Ведь всегда проще отнять, чем заплатить.

Возможно если бы у человека, пытавшегося перевести дух, привалившись к каменной стене заброшенного дома было время для абстрактных раздумий, он пришел к таким выводам.

Но времени не было.

Мыслей в голове тоже не было, они улетучились несколько минут назад, когда в конце переулка, возник высокий стройный силуэт. Существо стояло молча и абсолютно неподвижно. Человеку оно напомнило изваяние Скорби, виденное им много лет назад в заброшенном храме.

С негромким шелестом существо раскрыло раскрыло огромные черные крылья. Переулок заполнила волна нестерпимого ужаса, обжигающего словно раскаленная лава и холодного, как тысячелетние льды.

Человек побежал, подвывая, словно раненый пес, спотыкаясь и падая, сдирая кожу с ладоней и коленей. С головы слетела новенькая модная шляпа. Он выбирал ее несколько часов, доводя до нервного срыва продавцов и наслаждаясь процессом.

Сейчас он не заметил потери, как не замечал струек крови, текущей по ногам из рваных ран на коленях.

Резко свернув в узенький переулок он с размаху налетел на мусорный бак и задохнулся от резкой боли в боку. Что-то хрустнуло, но он даже не заметил. Рванулся, неразборчиво заорал, дергаясь и бестолково колотя руками по своему, недавно еще белому, плащу, зацепившемуся за проржавевшее железо.

Ткань с треском, выстрелом прозвучавшем в мертвенной тишине глухого проулка, порвалась и несчастный, освободившись, побежал дальше.

Легкие горели, ноги онемели и заплетались, беглец их уже не чувствовал, его мотало от стены к стене. Постепенно усталость заполнила все, заслоняя даже ужас и человек остановился. Упершись руками в стену он с трудом заталкивал в себя воздух. Отдышавшись, выпрямился и сделал пару неверных шагов по переулку. Звуки шагов отдавались гулким эхом и гасли, умирая меж каменных стен давно покинутых домов. Человек не помнил, как попал сюда – в самое сердце покинутых кварталов на границе с Дымкой.

Но сейчас это его не волновало. Настороженно озираясь, он брел посреди переулка, боясь приблизиться к укрытым ночным мраком стенам. Спотыкаясь на непонятном хламе, человек брел к выходу из переулка, где ночная мгла казалась чуть менее густой, прислушиваясь к каждому шороху, стараясь ступать как можно тише.

Позади звякнуло и человек, оборачиваясь, подпрыгнул, вглядываясь в неясные тени. Ни малейшего движения. Облегченно вздохнув, он снова повернулся к выходу из переулка и судорожно вздохнул. Него смотрели бесконечно холодные глаза, в глубине которых плескалось, прикрытое льдом равнодушие, безумие. Ангельски прекрасное лицо было неподвижно, словно посмертная маска. За спиной чуть трепетали огромные черные крылья.

Стремительно выбросив вперед изящные руки с тонкими длинными пальцами, существо разорвало человеку грудную клетку.

Безнадежно пытаюсь вдохнуть разорванными легкими, корчась от невыносимой боли, человек увидел как фонтанчиками хлещет кровь из его разодранной груди и почувствовал, как теплые капли падают ему на лицо.

– Странно. Какой теплый дождь, – подумал он и умер.

* * *

Дежурным по управлению оказался старый знакомый Кинби, сержант Берт Гловер. Седоватый мужик с характерными для людей из Ночи точеными чертами лица и бледной кожей, он давно уже должен был по возрасту выйти на пенсию, но даже инспекторы отдела кадров не заикались об этом, просматривая результаты квартальных тестов и рапорты о раскрытии.

Увидев Кинби, сержант заулыбался и протянул руку. Кинби с удовольствием обменялся с ним крепким рукопожатием, улыбнувшись в ответ.

— Рад видеть тебя, Берт.

— И я тебя, и я тебя. Лейтенант Марино у себя, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Подожди немного, сейчас пропуск выпишу.

Дожидаясь, пока сержант заполнит журнал посетителей, детектив поставил на стойку пакет с лапшой и одноразовым термосом с зеленым чаем для Марты, и осмотрелся по сторонам.

За время, прошедшее с его увольнения, практически ничего не изменилось, разве что все стало еще чуть более потрепанным и обветшавшим. Все так же потрескивала и мигала потолочная лампа в глубине вестибюля, привычно тянуло хлоркой из сортира, находившегося, сразу за лестницей вверх.

Кинби вспомнил, как однажды здоровенный доббер по кличке Два Оскала, обвинявшийся в вооруженном грабеже, попытался бежать через окно в этом сортире. Отрубив конвоира, он вышиб раму и принялся вылезать.

И застрял.

Основательная задница категорически отказывалась проходить через оконный проем. Вынимали героя под дружный гогот всей дежурной смены и подследственных, которым посчастливилось наблюдать это зрелище. С тех пор грозного

Два Оскала знали исключительно как Две Жопы и криминальная карьера его неуклонно катилась под откос.

– Держи, готово, – Гловер протягивал зеленый прямоугольник пропуска. В правом верхнем углу светилась яркая зеленая же точка контрольной пси-отметки. Цвет и содержание этих отметок каждые два дня менял мант дежурной смены.

Поднявшись на второй этаж, Кинби свернул направо и двинулся по длинному коридору, застеленному выцветшей и вытопанной до белизны ковровой дорожкой. Постучал в дверь кабинета с номером 249 и дождался хриповатого:

– Входите.

Открыв дверь, Кинби прислонился к косяку и помахал перед собой пакетом:

– Мадемуазель, доставка горячих ужинов! Если еда окажется недостаточно горячей, мы привезем еще две порции бесплатно.

Марта сидела, откинувшись на спинку кресла и водрузив ноги в тяжелых ботинках на стол. Сцепив руки на затылке, она разглядывала снимки, приколотые к доске, стоявшей в торце комнаты. Черная футболка обтягивала полную грудь девушки, и Кинби залюбовался этим соблазнительным зрелищем. Несмотря на встрепанные волосы, покрасневшие от усталости и табачного дыма глаза, Марта оставалась самой прекрасной женщиной на свете. Кинби в очередной раз подумал, что мог бы смотреть на нее вечно.

– Прекрати пялиться на мою грудь и тащи сюда свой горячий ужин, пока я не погнала тебя за двумя бесплатными порциями. – вывел его из задумчивости голос Марты.

Вытащив из пакета термос и плотно закрытую миску с лапшой, Кинби поставил их перед Мартой, не забыв поцеловать в затылок и, потягиваясь, прошелся по кабинету.

Марта уже стремительно уплетала лапшу. Плеснула в здоровенную чашку с надписью «Обожаю работать сверхурочно» чая из термоса и с гримаской отвращения уставилась на прозрачную зленоватую жидкость.

– Это ЧТО? Кинби, ты же знаешь, что я ненавижу эту мочу!

– Марта, прекрати травить себя кофе в таких количествах. Зеленый чай полезен.

– Ага. Конечно. – сарказм в голосе Марино можно было резать и намазывать на хлеб.

– Кроме того ты все равно слишком устала, чтобы тащить к автомату, а я не пойду.

Фыркнув что-то, что Кинби предпочел не расслышать, Марта все же сделала глоток и демонстративно поморщилась.

Кинби подошел к доске, на которой Марта развесила снимки с места происшествия. И застыл, глядя на первый слева снимок во втором ряду.

На нем крупным планом было запечатлено лицо убитой. Не отрывая взгляда от снимка, Кинби полез во внутрен-

ний карман куртки и достал фотографию «сестренки Ольги». Перевел взгляд. Протянул руку и засунул край своего снимка за край того, что был пришпилен к доске.

Спиной он ощутил внимательный взгляд Марты и шагнул в сторону. Лейтенант Марино присмотрелась к снимку и, отодвинув в сторону миску с недоеденной лапшой, потянулась за сигаретами со словами:

– Так-так. А теперь давай ты мне все очень подробно расскажешь.

Кинби развернул спинкой вперед стоявший возле стола стул, достал сигареты и на секунду задумался, готовясь к долгому рассказу.

* * *

Так, – повторила свое любимое словечко лейтенант Марино, выслушав Кинби.

Как и при разговоре с Юринэ, он предпочел не распространяться о стрельбе в автомастерской. Совершенно незачем травмировать нежную душу лейтенанта полиции, которая и так частенько закрывала глаза на действия Кинби, далеко не всегда совпадавшие с буквой закона.

– Так. Ну и что мы имеем теперь?

Кинби развел руками.

– Да абсолютно непонятно, на самом деле, что мы имеем. Совершенно ничего не вытанцовывается. Стрельба идиот-

ская, девчонку не пойми зачем порешили, жучила этот мелкий вдруг когти рвать решил... Причем как последний идиот.

– Ну, судя по всему, он и правда невеликого ума мужчина, – пробормотала Марта, разгоняя клубы табачного дыма перед монитором.

Кинби обошел стол, наклонился, положив Марте руку на плечо, и тоже всмотрелся в мерцающий экран.

На официальном снимке Паланакиди выглядел примерным мальчиком. Вот прямо сейчас на плакат «Законопослушный гражданин». Столбцы текста, сопровождавшие снимок, правда, несколько портили впечатление.

– Мошенничество, снова мошенничество, подделка товарных сертификатов, незаконная скупка ксеноартефактов, сводничество... О как, он и в сутенерах отметился, – восхитился Кинби и продолжил, – предпочитает действовать в паре с привлекательными девушками, данные о регистрации, последние задержания...

– Даже та-а-а-к, – протянул детектив, распрямляясь.

– Что такое? – спросила Марта.

– А ты посмотри, где он ошивался последние полгода, если верить вот этому стукачку, – показал на экран Кинби.

Марта вгляделась в синие строчки текста стандартного рапорта:

«Задержанный Симеон Ворпус показал, что во время разговора в баре „Лошадь“ его знакомый Борис Паланакиди,

также известный как Питер Стерлинг, говорил, что ему удалось найти владельца крайне ценного предмета. Упомянутый Паланакиди рассказал, что если ему удастся найти сам предмет, то он, по словам задержанного, „будет как сыр в масле кататься и до конца жизни ему хватит на все, чего тот не захочет“. Далее задержанный Ворпус показал, что Паланакиди находился в состоянии сильного алкогольного опьянения, отказывался говорить, что это за предмет и далее говорить на эту тему отказался. По словам гражданина Ворпуса Паланакиди последние несколько недель регулярно посещал кварталы Западного пригорода, несколько раз его видели, разговаривающим с жителями незаконно занятых строений и частных домов. Данная информация представляется недостоверной и не имеющей оперативного интереса».

– Вот так вот. Не представляющей интереса, – с досадой бросил Кинби.

– Ну, что поделать. Согласись, тогда это действительно не представляло интереса. Ну нажрался мелкий барыга, ну распустил перья. Толку то?

– Кстати, – продолжила Марта, – а нам-то что за польза? Усевшись за стол Шесински, Кинби пододвинул к себе пепельницу, закурил. Взгляд его рассеянно блуждал по кабинету, пальцы тихонько постукивали по столешнице. Заметив блокнот, Кинби выдрал из него чистую страницу. Положил перед собой, принялся выводить загогулины.

– А нам с тобой то, что Паланкакиди этот, скорее все-

го, кстати, уже покойный или драпающий из Города так, что шляпу сдувает, действительно нашел что-то очень стоящее. И решил он это самое что-то загнать крутым ребятам, у которых есть серьезные деньги. Дальше я понимаю ситуацию так – его подельница, вот эта Ольга, решает партнера кинуть, тырит бранзулетку и выходит на покупателей сама. Покупатель, как я понимаю, Хранитель Порогов или кто-то, с кем он очень плотно связан.

– Мой информатор ее видел рядом с Хранителем, – пояснил Кинби, не дожидаясь вопросов.

– Да, я вот думаю, события развивались примерно так, – Кинби провел на листке длинную линию от верхнего левого угла к правому нижнему, чуть отодвинулся, всматриваясь, достаточно ли ровно получилось. – Паланакиди, как я уже сказал, что-то находит, пытается это загнать крутым парням, его кидает подельница. В самом Городе он особо никого не знает, к местным авторитетам и прочим серьезным теневым людям обращаться ему совсем не с руки – те мигом просекут, что у лоха увели какую-то интересную вещицу и сами на нее лапу наложат. Идея обратиться в полицию у него, ясное дело, даже не зародилась.

Кинби взглянул на Марино, та молча покивала, показывая, чтобы Кинби продолжал.

– Вот тут он и решает нанять детектива. Почему именно меня, не имею ни малейшего понятия. Может быть просто в телефонном справочнике нашел. И тут что-то происходит

такое, что решает наш живчик Борис залечь на дно, причем так, чтобы его ни с какой стороны не достали и чтобы никто его разыскивать не начал. Он в спешном порядке расплачивается со мной, с Рональдом-Конвертом, и в аварийном режиме валит из города. Вопрос – что же такого могло произойти?

– Или его кто-то навестил, или он что-то такое узнал, что решил плюнуть на все и спасти шкуру.

– Точно, именно так, – сказал Кинби, продолжая покрывать листок параллельными линиями. – И наверняка это связано с той штукой, которую он хотел продать.

– Я одного не понимаю, – сказала Марта, – зачем было стрелять в нас с тобой?

– Точно не знаю, но судя по тому, что мне сказал Марио, кто-то просто решил отвлечь меня от розысков Ольги. В принципе, вполне логично. Я думаю, им нужно было, чтобы Ольга передала предмет по назначению. Что будет потом, их особо не интересовало.

– И что ты теперь собираешься делать? – спросила лейтенант Марино. – В принципе, обязательств у тебя никаких. Клиент с тобой расплатился, девушка мертва. Дополнительной информации ноль... Не думаю, что тебя сильно беспокоит судьба Паланакиди.

– Нет. Меня совсем другое беспокоит, – поднялся Кинби и заходил по кабинету. – Мне очень хочется узнать, что же

нашел господин Паланакиди. Очень мне не нравится, что он по Западному пригороду рыскал. Нехорошее это место.

Очень, очень нехорошее, – добавил он шепотом.

Войны Воцарения

Западный пригород

Закованный в черную броню и шлем со светофильтром максимальной мощности, под завязку накачанный какими-то жуткими снадобьями, позволявшими ему оставаться на ногах и днем, Кинби сжимал в руках автоматическую винтовку, поглядывая в смотровую щель вездехода.

Машина медленно пробиралась сквозь развалины Западного пригорода. Полотнища дыма не давали рассмотреть местность как следует и это нервировало Кинби, и так сходявшего с ума от запаха свежей крови, горелой плоти и желания забиться в какой-нибудь темный угол и уснуть.

Вместо этого нужно было тащиться непонятно куда на усиление итурмовой группы. Командование решилось-таки выбить войска Аланая-Кукловода из западных пригородов и теперь стягивало силы.

И сам Кинби и его бойцы были измотаны до предела. Трое суток они носились по развалинам, вычищая засевшие в домах остатки попавшего в окружение пехотного полка, целиком состоявшего из людей из Ночи – бойцов свирепых и хладнокровных.

Потеряли пятерых, ели всего два раза, а когда спали – не

помнил никто.

Единственную возможность поспать им обломала пара вражеских некромантов, поднявших полуразложившиеся трупы, благо в развалинах их было предостаточно, в ночную атаку. Спасло группу Кинби только то, что некроманты попались не слишком опытные, или просто уставшие до предела, и сил на нормальную координацию тел у них не хватило. Однако спецгруппу едва не задавили количеством и под конец Кинби пришлось, взревев и отбросив всякую осторожность, броситься в самую гущу рукопашной схватки, круша налево и направо обломком строительной арматуры.

Потом шальная пуля выбила импровизированную палицу из рук, и Кинби отбивался голыми руками.

В какой-то момент его бойцы потеряли командира из виду, и решили, что ему крышка. Атака стихла, но выбраться они уже не рассчитывали.

Но через полчаса вампир вернулся к кострам лагеря он вышел в мокром от крови комбинезоне, с омерзением вытирая уголки рта белоснежным платком. Бросив, – Ненавижу некромантов, – он сел, привалился спиной к стене, и затих.

С той ночи он держался только на мерзких снадобьях, вроде «северного меда» жрецов Лантоя, да собственной злости.

Снова глянув в щель, Кинби увидел, что их транспортер ползет вдоль длинной кирпичной стены, сплошь исписанной рунами Сети Аланая. Значит его марионетки лишь недавно

ушли отсюда, и войсковые манты не успели закрасить знаки, несущие силу Кукловода.

Чуть впереди стена взорвалась, по броне транспорта застучало кирпичное крошево.

В образовавшемся проеме возник высокий стройный силуэт. Сквозь царивший вокруг хаос, крики солдат, завывание двигателя, треск автоматных очередей, до Кинби донесся тихий мелодичный шелест черных крыльев, распахнувшихся за спиной существа.

– Назад!!! Сдавай назад!!! – во всю глотку заорал Кинби жрецу-механику, сидевшему за рычагами, но было поздно.

Подсвеченный кровавым светом заходящего солнца силуэт скользнул вперед, исчезая из поля зрения. Долей секунды позже матово-черное лезвие с ужасающей силой и скоростью вспорол обшивку транспорта в нескольких сантиметрах от лица Кинби и продолжило свое смертоносное движение, пронзив сидевшего у противоположного борта солдата.

Опрокинувшись набок, Кинби быстро пополз сквозь наполненное криками умирающих и скрежетом раздираемого металла нутро транспорта к заднему люку. Выдрал из пазов запорный рычаг, толкнул створку и выпал на булыжники мостовой, принося молитвы всем богам, надеясь, что хоть кто-нибудь окажется достаточно безумным, чтобы услышать мольбы Порождения Ночи.

Видимо кто-то услышал, поскольку и шлем и черный ком-

бинезон, защищающий вампира от солнечных лучей, уцелели.

Рывком включили мир и Кинби едва успел отпрыгнуть, на ширину ладони разминувшись с тупой мордой второго транспорта. Выглянув из-за груды кирпичей, увидел, как широкое низкое рыло въехало в бок вскрытого, словно консервная банка, транспорта Кинби.

Проскрежетав по кирпичному крошеву несколько метров изуродованные груды железа остановились.

Над развалинами повисла тишина, утихло даже потрескивание пламени. Кинби не мигая смотрел на величественные фигуры двух Ангелов Смерти, чьи огромные клинки с легкостью разделявали бронированные туши транспортеров, обнажая заполненное кровавым месивом нутро. Никто не пробовал выбраться из искореженных машин, уже некому было.

Ангелы переговаривались высокими мелодичными голосами, скользя вокруг неподвижных металлических коробок. Кончики огромных черных крыльев трепетали на легком ветру.

В воздухе разливался исходящий от Ангелов запах – что-то среднее между ванилью и расплавленной карамелью, решил Кинби.

Внезапно один из них текучим движением развернулся, и Кинби показалось, что на него в упор, выворачивая сознание наизнанку, заставляя падать вглубь себя, глянуло Небы-

тие. Взгляд невыносимо прекрасных, совершенно равнодушных и абсолютно безумных глаз заставил вампира почувствовать собственную ничтожность. Ему нестерпимо захотелось встать, выйти на середину залитой топливом, кровью и машинным маслом мостовой и опуститься на колени, с вожделением ожидая удара меча.

Зашипев от ярости, Кинби вскочил и разрядил автомат в пахнущие детством и забытыми праздниками фигуры.

Тот Ангел, что стоял ближе, шагнул назад и запнулся об обломок стены. Взмахи черных крыльев подняли пыльные смерчи. Забился об искрошенные пулями стены негодующий крик крылатого существа.

Вторая очередь развернула того, что стоял, частично скрытый искореженным бортом транспортера и выбила из его руки меч.

Отбросив разряженный автомат Кинби нырнул в развалины и побежал, стараясь оставить между собой и этим воплощением ужаса как можно больше дымящихся развороченных кварталов.

* * *

Марта окликнула Кинби, когда тот уже открыл дверь кабинета, собираясь уходить,

– Кинби, о чем ты забыл мне сказать, кроме заварушки у Марио?

Все же Марта Марино не зря стала самым молодым лейтенантом полиции Города.

Кинби посмотрел в окно. Темнота за окном незаметно серела, это изменение могли уловить только Дети Ночи, такие, как он. Существа, для которых темнота – это мир, полный оттенков черного. Сейчас Кинби казалось, что где-то в сердце Города начал пульсировать сгусток мглы. Темноты непроницаемой, злобной и мудрой. Эта тьма ждала много лет и вот сейчас кто-то неосторожно тронул засовы ее клетки, и она почуяла, откликнулась, потянулась к возможности вернуться в мир.

Кинби хорошо помнил эту тьму. Она текла по крыльям Ангелов Смерти, она заполняла марионеток Аланая и с торжеством взирала на мир глазами его жрецов.

Все было просто и обыденно. Кто-то захотел заработать несколько монет, думая только о себе. И это было самым страшным.

– Кинби! Очнись, наконец! – вывел его из ступора резкий голос Марты. Она сердито смотрела на него, держа в одной руке дымящуюся сигарету, в другой зажигалку.

– Да, прости. Задумался.

– Теперь, когда ты подумал, ответь – о чем ты забыл мне сказать.

Кинби осторожно закрыл дверь, вернулся к столу Марты и снова оседлал стул. Глядя ей в глаза, тихо заговорил:

– Мне действительно больше нечего тебе сказать, поверь.

Есть только предчувствие. Мне кажется, что смерть этой девушки – лишь начало чего-то очень нехорошего. Ты то не можешь помнить, а вот я прекрасно помню, что как раз в Западном пригороде жрецы Аланая гнали на бойню его маррионеток. И именно там их окружили в конце концов. Но когда их наконец прикончили, а самого Аланая увели Ити-лор и Леди Сновидений, то многих амулетов и Узлов Сети недосчитались.

– И ты хочешь сказать...? – Марта не закончила вопрос, но все и так было ясно.

– Да. Именно так, – кивнул Кинби. – Прошло много лет, те, кто кому положено искать предметы-Узлы, давно махнули на это рукой, так что если сейчас что-то всплывет, то подавляющее большинство просто не поймет, что попало ему в руки. Я не удивлюсь, если какой-нибудь пропойца нашел симпатичную безделушку в бабушкином сундуке, да и загнал нашему барыге... Мало ли что могло случиться.

Но если я прав, то скоро у тебя будет очень много работы. Радует меня только одно.

– Интересно, что же? – фыркнула Марта.

– Вся эта возня идет пока достаточно тихо. Кто бы это ни был, он явно не хочет привлекать внимание тех, сверху, – Кинби кивнул в сторону окна, за которым виднелось переливающееся огнями основание Летающей Иглы.

С этими словами он поднялся, поцеловал Марту в щеку и пошел к двери. Обернулся на пороге. Девушка смотрела на

него, сложив руки на груди, и в глазах ее была задумчивость и тревога. Коротко улыбнувшись, Кинби вышел.

Легко сбежав по истертым ступеням, он помахал Берту и распахнул тяжелую деревянную дверь. Небо окончательно стало серым, скоро, очень скоро, кто-то безжалостно отодвинет штору ночи и Город zalьет безжалостное летнее солнце.

Поймав машину, Кинби забрался на заднее сиденье и сидел, глядя как проплывают мимо серые коробки домов, пока такси не остановилось возле бакалейной лавки храта Фаррахха. Расплатившись, Кинби вышел и поспешил домой, поглядывая в светлеющее небо.

Кинби не стал говорить, что «те, наверху», скорее всего до последнего будут лишь смотреть, как льется кровь смертных, прикидывая, как извлечь из происходящего наибольшую выгоду, и стоит ли, вообще, ввязываться в драку.

Слишком дорожил каждый из Воцарившихся Богов своим спокойным существованием, слишком все они были заняты взаимными осторожными интригами, чтобы решиться на быстрые и решительные действия.

Когда каждый подозревает каждого, все стараются выжить, давая противнику шанс оступиться.

* * *

Бессонная ночь не прошла даром, так что утром Марте хотелось только одного – добраться до своей квартирки, на-

тянуть простыню и провалиться в сон. Два часа тяжелой дремы в комнате отдыха дежурной смены совершенно не помогли. Помешивая неопределенно-темную жидкость, которую местный автомат упорно выдавал за кофе, лейтенант Марино пыталась решить мучительную дилемму – плюнуть на все и поехать домой или попытаться исполнять свой долг и начать служить и защищать.

Например потрясти своих информаторов на предмет слухов об интересных сделках, чьей-нибудь необычной активности да и просто в профилактических целях. Не давало спокойно уснуть и дело этой убитой – Ольги. При жизни она была, судя по всему, первостатейной сучкой, но умирать вот так, это уж слишком. Да и Кинби попусту слов на ветер не бросает, а он уверен, что крови будет еще больше.

И Марта, с отвращением отхлебнув черно-коричневой бурды, снова открыла папку с протоколами осмотра места преступления. Пододвинув блокнот с плотными желтыми страницами вывела: «Борис Паланакиди – где видели, с кем говорил, где может быть сейчас?».

Вертя в пальцах ручку, лейтенант Марино невидящим взглядом смотрела в окно. Слова Кинби оставили ощущение смутного беспокойства, хотя Марта всегда считала, что бывший напарник склонен к преувеличениям.

Криминальный мир Города был поделен много лет назад. Да что там лет – столетий. Марте всегда с трудом удавалось представить, что Кинби участвовал в тех войнах и помнит

события, произошедшие во времена, когда даже бабушка ее еще не родилась.

Для лейтенанта Марино существующий порядок вещей был чем-то незыблемым, вроде восхода солнца или смены времен года. Хотя... вот со сменой времен года в последнее время творилось что-то странное.

Все больше жителей задирали головы и, прикрывая глаза ладонью, смотрели на нестерпимо блестящую в солнечных лучах Иглу Итилора-Повелителя Дождей. Но, видимо, ему не было дела до происходящего внизу. В отличие от Хранителя Порогов, скажем, или добберских Ульев – наполовину банд, наполовину кланов, приносящих жертвы непонятной Многоликой Пустоте. Эти делами земными не брезговали.

О существовавших испокон времен человеческих шайках, бандах, синдикатах и прочих незаконных сообществах и говорить не стоило. Никуда они не делись, разве что, кое-кто воспользовался всеобщим ошеломлением и порешил конкурентов.

Затем произошло несколько кровавых схваток с пришлыми – добберами, хратами, людьми из Ночи, но, как это всегда происходило, главари сообразили, что лучше поделить пирог, и жизнь вошла в более или менее спокойное русло.

Нет, конечно существовали и мафиозные войны и заказные убийства. Марта покосилась на увесистую папку, в которой лежали материалы по убийству Папочки Соноро, и вздохнула.

И все же обстановка, в целом, последние годы была относительно спокойной.

Так отчего же где-то глубоко внутри поселился холодок, предвещающий крупные неприятности?

Сейчас Марта искренне хотела, чтобы Ольга оказалась жертвой какого-нибудь сумасшедшего. Пусть даже серийного убийцы. Цинично, конечно, но это все же лучше, чем полномасштабные войны, как сорок лет назад, когда полицейские были вынуждены держать оборону вокруг здания Городского Управления, а жители сидели по домам и боялись подойти к окнам.

По улицам носились звенья добберов из клана Верхнего Цвета Пустоты и белолицые отморозки Салли Стригуна, кроша друг друга и всех, кто попадался под руку. В итоге магистрат, скрипя зубами, все же раскупорил резервный фонд и заплатил жрецам Бога Лантоя.

На следующее утро в город с четырех сторон вошли законные в серую броню солдаты. Никто не видел, чтобы хоть один снял шлем, присел отдохнуть, ел или пил. Действуя эффективно и безжалостно, войска Лантоя за четыре часа вычистили город, полностью уничтожив соперничающие банды. Жрецов добберского клана и Салли Стригуна с двумя советниками взяли живыми, привезли на площадь перед зданием магистрата и распяли на асфальте, вбив в ладони и колени железнодорожные костыли.

Об этой войне Марте рассказывал Кинби, а после она

разыскала отчеты, снимки и файлы с мест событий. В одном из рапортов отмечалось, что трупы Салли Стригуна и других казненных работники магистратуры решились убрать с площади только через неделю.

Больше подобных столкновений не было, теневой мир Города жил тихо, стараясь не привлекать к себе ненужного внимания Верхних Игроков, как называл Воцарившихся Богов тот же Кинби.

И все же, и все же...

Марте не давало покоя, что, по словам Кинби, Ольгу видели вместе с Хранителем Порогов. Среди странных, жутковатых и откровенно страшных фигур Города, Хранитель был едва ли не самой загадочной. Человек без пола и возраста, не изменившийся, по словам ветеранов Управления, ни на йоту за последние пятьдесят лет, Хранитель был не только фактическим верховным жрецом Хозяина Дома Тысячи Порогов, но и одним из самых могущественных и жестоких теневых правителей города. «Весенние дары», «слезки», «отражения» и прочая дрянь расходилась по улицам исключительно с его благословения и под неусыпным контролем. Проституция, организация заказных убийств, рэкет – во всех этих видах бизнеса Хранитель имел свою долю или контролировал рынок.

Отсюда вопрос, который, – подумала Марта, – Кинби себе уже наверняка задал, – Зачем понадобилось фигуре такого масштаба, как Хранитель, встречаться с мелкой шлюшкой

вроде Ольги?

Значит действительно было у нее что-то очень важное. Настолько важное, что он изобразил любезность и лично захлопнул дверцу ловушки, дамочка угодила, исключительно по причине непомерной жадности.

И глупости тоже, добавил Кинби, чуть подумав.

А вот вопрос, кто же ее убил, все же оставался.

Вариантов было не слишком много – подручные Хранителя, убравшие ненужный материал, чтоб не проболталась, или конкуренты, убившие ее после жестоких пыток, во время которых она, безусловно, рассказала все – и о том, что продала и кому и сколько ей заплатили и даже имя любимой собачки.

«Боги! Какая собачка! Какое детство!» – Марта с силой потерла руками лицо. Это ж надо, какая чушь с недосыпа в голову лезет.

Однако, где же Шесински, – посмотрела на часы лейтенант Марино и в тот же момент сержант открыл дверь кабинета.

К полудню солнце раскалило улицы, наполнило город белым светом, пылью и запахом плавящегося асфальта. Продавцы мороженого забились под выгоревшие зонтики своих тележек и с тоской смотрели на пустынные улицы, вдоль которых ветер закручивал маленькие пыльные смерчи.

Немногочисленные посетители кафе сидели, отдуваясь и обмахиваясь газетами в ожидании холодного пива, нищие,

словно статуи неведомых божков, сидели неподвижно, намотав на головы тюрбаны из тряпья.

Лето.

Обливаясь потом и злобно поглядывая на бездельников за столиками кафе, Марта Марино свернула в очередной переулок. В такие дни, ей начинало казаться, что весь город состоит из пыльных переулков с черными дырами подворотен, дворов-колодцев, отличающихся только количеством орущих детей и веревок с пересохшим бельем, да душных, воняющих мочой, подъездов.

В сотый раз она прокляла наплечную кобуру, служебный пистолет, джинсовую куртку, которую пришлось надеть, чтобы скрыть сбрую, и, самое главное, эту чертову! чертову жару!

И заодно этот чертов квартал, в котором Ольгу угораздило встретить свою смерть. Теперь приходилось плутать, задавая идиотские вопросы старикам у подъездов, и плаваясь от зноя.

Однако глянув на Шесински, бредущего в своем темном костюме, она устыдилась. Сержант невозмутимо потел, не обращая внимания на темные круги, расползавшиеся от подмышек и лишь чаще обычного промокал некогда белым платком основательный загривок.

– Так, нам на пятый этаж, – сверилась с блокнотом Марта. Шесински невозмутимо пожал плечами, не считая нужным комментировать очевидное.

Лифт, естественно, не работал, пришлось карабкаться по

истертой лестнице, знакомясь по пути с наскальными росписями и отходами жизнедеятельности местных аборигенов.

Звонок, истошно заверещал. Впрочем, это не помогло, как и стук в дверь. Тишина за ней была объемной, ощутимой, какой она бывает только в безнадежно пустых квартирах, куда хозяева не торопятся возвращаться.

Привалившись к стене, Марта застонала. Ползти вниз... Топать по пыльным улицам под ударами солнечных лучей, отвесно падающих с блекло-голубого неба...

Все. Хватит, – она с усилием отлепила себя от стены:
– Сержант, мы заслужили обед.

Молчаливый Шесински что-то кратко, но очень эмоционально пробурчал, и с энтузиазмом зашагал вниз по лестнице.

Потягивая ледяное пиво в небольшом кабачке, обнаружившемся неподалеку, Марта неторопливо осматривала зал. Заведение было явно из разряда «для своих», и если бы не наблюдательность Шесински, они бы наверняка прошли мимо неприметной двери в боковой стене длинной арки.

Вывеска по светлому времени суток не горела, а больше никаких опознавательных знаков не было.

Однако у сержанта на такие вещи был нюх.

Теперь они наслаждались очень приличным обедом, хорошим легким пивом и прохладой. Марта рискнула расстегнуть куртку и откинуться на пластиковом диванчике, вытянув руки на спинке. Хотелось курить, но желание было ле-

нивым, неотчетливым. Не было сил выпрямляться, тянуться к пачке, непредусмотрительно брошенной на стол. Вообще ничего не хотелось делать.

Мысли тоже не хотели шевелиться, переваливались в голове вязкой массой: то всплывало лицо храта Филу-Вережки, скручивающего усы в жесте недоумения, качающего головой при виде фотографии убитой девушки, то уличный торговец, отгоняющий от прилавка с тающими сладостями ватагу оборванных детишек людей из Ночи. Потом завертелись перед глазами лестничные пролеты и обшарпанные двери, которые обязательно надо было открыть и Марта выбивала их плечом, но за ними снова уходили в серое никуда истертые ступени.

Кто-то тряс ее за плечо. Марино рывком села.

– Боги, неужто я отрубилась? – она осоловело озиралась. Шесински сидел напротив, жевал зубочистку и улыбался.

– Лейтенант, вы спали всего полчаса, я засек.

– Ну так чего сразу не разбудил, – огрызнулась Марта.

Шесински что-то обиженно пробурчал, и Марта ощутила укол совести.

– Ладно. Извини, – вытянув из пачки сигарету, она прикурила, и, выпустив струю дыма, отхлебнула глоток уже тепловатого пива.

– Итак. Что мы с тобой имеем? – спросила она сержанта и сама же ответила, – Да ничего. Никто ничего не видел, ничего не слышал.

– Как думаете, врут?

– Нет, мне так не показалось, и это странно— протянула Марта. – Район тут довольно тихий, кто-нибудь должен был хоть что-то услышать.

– Значит или те, у кого окна выходят в тот переулок, где нашли тело, врут, или... – Шесински не закончил фразу и посмотрел на лейтенанта.

– Или убийца поставил очень мощную завесу и мы имеем дело с кем-то из Домов. Или тем, кто может оплатить услуги нелегальных астралотов.

– Тогда ее очень странно убивали, – сказал Шесински, – Ставить завесу такого уровня имеет смысл, если нужно тихо убрать человека. Без шума и следов. А тут очень похоже на работу психопата.

– Вот этого я тоже пока не понимаю, – сказала Марта, гася в пепельнице окурок и вставая из за стола.

Когда Марту толкнул вызов дежурного манта, они уже пятнадцать минут слушали маленькую худенькую старушку в розовом махровом халате. Таких вот старушек обожают и одновременно на дух не переносят все полицейские без исключения. Старые благопристойные перечницы тихо и сосредоточенно ненавидят мир и его обитателей. Их сухонькие носики чувят все, а глазки за толстыми стеклами очков в коричневой пластиковой оправе способны видеть во всех возможных и невозможных диапазонах. Если вам нужно узнать историю прегрешений нескольких поколений жильцов како-

го-нибудь дома, ищите Старушку. Именно на такую и направились Марта и Шесински.

Горшки с комнатной зеленью поплыли, стены комнаты раздвинулись, в голове раздался неприятный свист. Явно дежурил Брюс Леммон – он всегда вызывал таким вот мерзким звуком. Убедившись, что его слышат, мант развернул перед внутренним взглядом Марты сообщение.

Полупрозрачный силуэт дежурного офицера смотрелся на фоне стола, застеленного скатертью в веселый цветочек до-нельзя идиотично, и Марта прикрыла глаза, знаком показав Шесински продолжать беседу.

– Лейтенант Марино, срочное сообщение. Обнаружен труп мужчины. Человек из людей. Явные признаки насильственной смерти, совпадающие с вашей ориентировкой. В данный момент на месте работает дежурная смена. Труп обнаружен в Рябиновом переулке.

Силуэт пропал, его место заняла карта города. Красная точка мигала в районе заброшенных кварталов возле самой Дымки.

Марта открыла глаза.

Шесински негромко поддакивал старушке, которая с нажимом, заглядывая ему в глаза, подробно излагала всю криминальную подноготную сантехника, жившего этажом ниже.

Пришлось прервать старушку, хотя далось это нелегко.

– Теперь она окончательно потеряет веру в полицию, – пробормотала Марта, спускаясь по лестнице.

– Не думаю, – отозвался сержант, – но вот написать рапорт с жалобой на то, что мы проигнорировали сигнал бдительного гражданина, может. Так что за сообщение?

– Труп. Похож на вчерашнюю жертву.

До Рябинового переулка добрались только в сумерках – центр города стоял в смертельных пробках, из машины оба выбрались совершенно измочаленными. Марта была противна самой себе. Казалось, что от нее воняет, ноги гудели, в глазах плавали разноцветные круги.

И жара.

Не ослабевающая даже к ночи. В который раз Марта позавидовала Кинби, переживавшему этот, растекшийся расплавленным оловом, день в прохладной спальне.

Шесински хмыкнул, оглядывая выбитые окна, провалы дверных проемов, груды битого кирпича и какой-то неопределенной дряни, громоздившейся возле потрескавшихся стен:

– Вот тут нам точно не придется опрашивать старушек.

– Это да. Зато узнаем много нового о городской архитектуре, – сказала Марта, ныряя под желтую ленту ограждения.

Молоденький некромант из участка, к которому относился Рябиновый переулок, стоял, глубоко втягивая ртом воздух и старался не смотреть на то, что лежало возле его ног. Марта одобритительно отметила, что паренек держится, изо всех сил стараясь сосредоточиться на работе.

Заметив Марту, к ней поспешил, подняв руку в привет-

ственном жесте, знакомый следователь, явно собираясь докладывать, но Марта приложила палец к губам – некромант, наконец, сосредоточился, закрыл глаза, протянул над телом руки ладонями вниз. Струйки зеленоватого света, извиваясь, потекли вниз, окутывая изуродованное тело. Сияние усиливалось, но ничего не происходило. Парень пошевелил кистями рук, закусил губу. На лбу выступили капельки пота, запульсировали жилы на висках.

Марта и Шесински переглянулись. История повторялась. Наконец лейтенант громко сказала, разрывая вечернюю тишину:

– Достаточно. Господа, заканчивайте здесь, дело переходит в ведение управления. Сержант Микс, подойдите, пожалуйста.

Некромант тяжело выдохнул и отшатнулся от тела. Достав из заднего кармана брюк клетчатый платок, парнишка, облегченно отдуваясь, вытирал с лица пот.

– Никаких. Вообще никаких следов, госпожа лейтенант, – пробормотал он, обращаясь к Марино.

Обходя тело по дуге, к Марте подобрался следователь.

– Здравствуйте, лейтенант Марино.

– Приветствую, Микс. Рассказывайте, – скомандовала Марта, пожимая влажную ладонь сержанта.

– Да особо и нечего рассказывать то, – пожал плечами Микс. – Тело обнаружили подростки, они сюда частенько забредают, особенно летом, увидели и тут же рванули со всех

ног. Ну и налетели аккуратно на патрульную машину. Ребята их и тормознули.

– Пацанье где? – спросил Шесински.

– Вон, двое в машине сидят, – кивнул сержант в сторону полицейских автомобилей, стоявших в дальнем конце переулка. Шесински посмотрел на Марту, та кивнула. В указаниях Шесински не нуждался, он мог разговаривать и фонарный столб. Неторопливо переваливаясь сержант отправился беседовать с подростками.

– Итак, – продолжила Марта, – первичный осмотр что-нибудь существенное дал?

– Ни-че-го, – по слогам сказал Микс, разводя руками. – Ни физических следов, ни эмофона, ну это вы сами видели, ни свидетелей, да и откуда им тут взяться.

– Бродяги? – предположила Марта.

– Не-а. Они дома там, через пару кварталов, обжили, – пожал плечами Микс – а сюда что-то не забредают.

– Ладно. Но, все равно, отправь людей, пусть осмотрят дома по всему переулку. Сам знаешь, мало ли что.

– Уже сделано, лейтенант.

Микс явно обиделся и Марта дружески похлопала его по плечу. Он был неплохим следователем, не хватавшим звезд с неба, и прекрасно это понимал. Зато великолепно ориентировался на своей территории, был в курсе всего происходящего и обладал феноменальной памятью, в недрах которой оседали все факты, слухи и шепоты, долетевшие до чутких

ушей сержанта. Работать с ним Марино нравилось и если дела приводили ее в эти края, она старалась получить в свое распоряжение именно Микса.

– Ладно, пока мои не приехали, пойдем, я на тело поближе взгляну.

– Предупреждаю, зрелище еще то, – покачал головой сержант.

Уже темнело и Микс скомандовал принести фонари. Поскольку эксперты управления все равно должны были вот-вот подъехать и привезти свое оборудование, то Марта сказала, что ей хватит и нескольких переносных, так что вскоре патрульные приволокли огромные неуклюжие фонари, обычно болтавшиеся в багажниках машин. Света они давали как хороший прожектор, но таскать их было сущим мучением, поэтому обычно патрульные покупали на свои деньги куда более легкие «Люминты» а штатные забрасывали в багажник.

Резкий мертвенный свет превратил место преступления в черно-белый снимок – провал на месте грудной клетки, чернота пропитанного кровью плаща, дыра рта, белизна торчащих наружу костей.

– Смотри, а крови вокруг немного, – показала кончиком авторучки Марта.

– Да, мы тоже обратили внимание, – присел рядом на корточки Микс, – это и странно. Убили его, судя по всему, именно здесь. Кровищи должно было быть – отсюда и до Залива.

А нету.

Вот именно. Отсюда и до Залива... Отсюда и до Залива... – бормотала себе под нос Марта.

Ночь обещала быть бессонной и что-то подсказывало лейтенанту Марино – этим жарким летом их будет много.

* * *

Кинби открыл глаза, как только раскаленный шар солнца коснулся горизонта, и неподвижно лежал в своей огромной постели, всей кожей ощущая каждую секунду заката.

В уютной темноте спальни он мысленно расставлял по местам предметы, людей и нелюдей, события и слухи, строил схемы, пытался отделить правду от лжи.

И вспоминал.

Когда-то очень давно, до Воцарения, город назывался иначе, но имя забылось и он стал Городом Богов а потом и просто – Городом. Любой приезжающий, задолго до того, как появлялись в поле зрения пригороды, видел перечеркивающую небо, нестерпимо сияющую на солнце, Летающую Иглу – дом Итилора-Повелителя Дождей. Уже одно это делало город единственным в мире и отнимало имя.

Кинби помнил, как Игла появилась над городом: казавшаяся бесконечной колонна, разорвавшая ночные тучи, много недель хлеставшие город непрерывным ливнем, нависла над зданиями, переливаясь разноцветными огнями.

Абсолютная тишина, опустилась на город, невероятная в своей полноте и окончательности. Монотонный шорох дождя лишь подчеркивал эту тишину, в которую проваливалась старая, отслужившая свое реальность.

Равнодушный к делам Города и мира Итилор открыл дверь другим богам и люди увидели Леди Сновидений и Дом Тысячи Порогов, выросли крепость Окончательного Лодочника и технохрам бога Лантоя.

А затем пришел Аланай-Кукловод.

Кем они были, эти боги? Кинби не знал. Сотни лет таившийся в тенях мира людей, он давно перестал верить в богов, отрекся от религий и признавал лишь один закон – свой собственный кодекс чести, позволявший ему существовать, танцуя на пороге окончательного безумия.

Пришедшие были могущественны – этого Кинби отрицать не мог. Они играли с реальностью, открывая и закрывая двери между мирами, и в Город входили храты и добберы, окраинные кварталы обживали люди из Ночи, а в кварталах Аланая-Кукловода дергались его марионетки, управляемые жрецами с неподвижными лицами.

Постепенно жители приходили в себя, из-под покровов таинственных культов, загадочных слов, механических чудес Лантоя и миражей Леди Сновидений вылезла обыденность.

Город понял, что ничего не изменилось – жадность, подлость, трусость, жажда власти и денег никуда не делись.

Никуда не делась скучная и мерзкая бытовуха рабочих

кварталов и утонченное скотство частных домов с ухоженными подъездными аллеями.

Не исчезла похоть – и проститутки снова вышли на улицы, Город успокоился, люди вспомнили о страстях и страстишках, открылись двери казино и игровых клубов.

Жизнь пришла в норму.

Пока Аланая Кукловоду не вздумалось поиграть в вершителя судеб, – подумал Кинби.

Это оказалось чересчур даже для Итилора, и грянули Войны Воцарения.

После них Кинби и пошел в полицию. Слишком тонкой оказалась грань между реальностью и окончательным хаосом, провал в который открыл Аланай-Кукловод в своем безумном желании сделать весь мир собой.

Неожиданно Кинби ощутил желание существовать в этом Городе, в этом странном, но по-своему притягательном мире. Впервые за многие сотни лет ему стало интересно.

Кинби почувствовал, как солнце послало в Город последний свой луч и рывком сел на кровати. Сегодня ночью нужно было сделать много дел, но самое главное – следовало нанести визит Хранителю, и задать ему несколько вопросов.

Разумеется это было совершеннейшей наглостью, но Кинби считал, что иногда надо играть именно так – на грани фола, колотя сапогом в дверь и задавая в лоб неприятные вопросы. Уж слишком сильно было беспокойство, охватившее его после того, как он узнал об убийстве исчезнувшей по-

дельницы охотника за артефактами.

Если Чикарро действительно видел ее с Хранителем, то...

То это означало очень крупные неприятности. Кем был Хранитель для Хозяина Дома Тысячи Порогов, точно не мог сказать никто. Для полиции Города он был постоянной головной болью, поскольку очень быстро приверженцы культа Тысячи Порогов прибрали к рукам всю проституцию и торговлю наркотиками, а затем и организацию заказных убийств.

Во время Войн Воцарения Дом сохранял нейтралитет – кварталы его сросшихся в головокружительный лабиринт строений, в те времена окружала стена непроницаемого молчания, двери были закрыты, окна заполняла чернильная тьма. Уже много позднее Кинби шепнули, что кое-кто из верховных жрецов Аланая исчез как раз за одной из этих, открывшихся на секунду, дверей.

Сейчас Кинби складывал все эти фрагменты и приходил к однозначному и неприятному выводу – в руки Хранителя попал какой-то очень ценный артефакт времен Войн Воцарения, и он решил убрать всех, кто мог об этом знать или догадаться, что это за предмет.

– В любом случае это какая-то исключительная гадость, – пробормотал Кинби, распахивая дверцы платяного шкафа.

Для столь важного визита детектив выбрал в меру строгий, но не слишком консервативный темно-синий костюм в тончайшую, чуть заметную, белую полосу, светло-серую ру-

башку и синий же, ручной работы, галстук с неброским рисунком.

С сожалением поглядев на висевшую на стуле кобуру с кольтами, Кинби достал из ящика плоский автоматический пистолет и приладил в специально для этого предусмотренном внутреннем кармане пиджака.

Увы, но Шепоток и Разговорчивый будут слишком видны под этим пиджаком, – думал Кинби, поглаживая рукоятки кольтов. Без этой парочки он чувствовал себя несколько неуютно. Впрочем страсть к хорошо сидящим, сшитым на заказ, костюмам частенько перевешивала, а пиджаки свободного покроя сейчас были не в моде.

А Кинби всегда строго следовал веяниям моды. Решив, что сегодня обойдется без шляпы, детектив закрыл шкаф.

Центральный вход в Дом Тысячи Порогов тонул в медленно кружащихся тенях. Кинби почувствовал, как напрягаются мышцы. Все его существо отзывалось на призыв Тьмы, пропитавшей Дом.

Скрипнув зубами, вампир взбежал по ступеням и постучал в дверь.

Открыли моментально, будто человек, стоявший на пороге, ждал визитера. Впрочем, скорее всего, так оно и было.

Невысокий тщедушный человечек в свободной зеленоватой хламиде склонился в поклоне.

– Что будет угодно уважаемому господину?

– Господину угодно увидеться с Хранителем, милей-

ший, – процедил Кинби, тщательно дозируя нотку аристократической хамоватости в голосе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.